

Габзалилова Вероника

ГОЛОД

Вероника Габзалилова

Голод

<https://litres.ru/73849334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вязкая, липкая темнота больше не остается в спальне с наступлением утра. Она просачивается в гудящие вагоны метро, прячется в офисных коридорах и звучит потусторонним шепотом в голосах коллег. Сон больше не приносит спасения — стоит только закрыть глаза, как Света проваливается в Бездну навстречу невидимой, прожорливой тьме.

Её привычный мир трещит по швам. Любимый человек всё больше кажется холодным чужаком, слова подруг звучат фальшиво, а собственное отражение в зеркале пугает до дрожи. Окружающая серость и равнодушие близких медленно, день за днем, высасывают из неё последние силы.

Но что на самом деле тянет её на дно? Тяжелый нервный срыв от одиночества и выматывающей работы? Или голодные духи, о которых твердят городские сумасшедшие, действительно существуют и уже начали свою трапезу? Свете предстоит спуститься в собственный ад, чтобы узнать правду. Но что, если эта правда окажется страшнее любых кошмаров?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Вероника Габзалилова

Голод

Глава 1

Две черные точки, словно бездонные колодцы, недоверчиво смотрят на меня из-под мокрых — не то от воды, не то от пота — черных как смоль волос. Можно было бы подумать, что на этом бледном лице нет больше ничего, кроме пронзительных глаз, если бы их не подчеркивали точно такие же черные круги.

Я отошла чуть подальше и еще раз взглянула на себя. Вид у меня, конечно, не очень. После нескольких бессонных ночей я стала больше походить на какую-то карикатуру, а не на живого человека. Моё лицо полностью утратило краски: щеки не румянились, губы побледнели, а глаза потеряли всякий блеск. Готова поспорить, у любого прохожего при виде меня возникала мысль, что жить мне осталось от силы дня два-три, не больше. Иначе откуда на их лицах появлялась эта жалостливая гримаса? Но жалость мне ни к чему, мне нужен только сон — крепкий, часов на двенадцать. К сожалению, это желание вселенная почему-то наотрез отказывалась исполнять.

Допив кофе и прихватив кипу рабочих бумаг, я помчалась

туда, где мне совсем не хотелось находиться. Гудящий звук механизмов переплетался с резкими и громкими выкриками пассажиров, лезущих без очереди и толкающих друг друга. Почему нельзя быть хоть чуть-чуть культурнее? Хотя бы в эту, самую отвратную часть дня? Но нет, вся эта кипящая масса не собирается останавливаться ни на миг, даже после того, как войдет в вагон. Теперь они будут играть в перестановки, и эти телодвижения не закончатся, пока поезд метро не прибудет на конечную.

Хорошо, что я снимаю квартиру на окраине города, и у меня всегда есть место в вагоне, поэтому не нужно каждую новую станцию перестраиваться, чтобы освободить место для других. И смотря на скрюченных и изнеможенных пассажиров метро, похожих на каких-нибудь килек в жестяной банке, я уверена, что моя обшарпанная, пропахшая старческим запахом квартира – это выигрышный лотерейный билет, который подарила жизнь за все мои мучения.

Да и в целом, моя жизнь сильно изменилась после учебы. Я быстро устроилась на хорошо оплачиваемую работу, где можно было особо не отвечивать и просто закрывать поставленные задачи. С начальником тоже повезло: всегда войдет в положение и не будет придираться к мелочам. Правда, на работе так и не получилось ни с кем подружиться — каждый занят своим делом, и болтать по пустякам совсем не в их правилах.

Зато мои отношения с одногруппницами переросли в

нечто большее: если раньше мы могли лишь между делом перекинуться парой слов, то теперь собираемся в кафе, чтобы непринужденно поболтать и поделиться новостями. Думаю, я даже могу назвать их своими подругами. Но самое главное — у меня появился парень. Столько любви и нежности я еще не испытывала ни к кому, поэтому неудивительно, что мы так быстро начали жить вместе. Возможно, это и правда скоропостижное решение, но провести несколько дней врозь стало для меня просто невыносимым испытанием.

Единственное, что портит эту идиллию, — затяжные кошмары, которые мучают меня почти каждую ночь и не дают нормально выспаться уже на протяжении месяца. Происходящее во сне всегда одинаково: я просыпаюсь, но мои глаза остаются сомкнутыми. Понимаю, что нахожусь в нашей комнате, мой молодой человек лежит рядом. И как только я пытаюсь снова провалиться в сон, Олег начинает меня тихонько звать. Он просит повернуться и посмотреть на него, но все мое нутро начинает противиться этому, ведь я знаю, догадываюсь, что зовет меня совсем не Олег. Я лишь сильнее замуриваюсь, а голос существа становится жестче и срывается на крик.

И если в этот момент я не смогу себя разбудить, невидимая сила во сне начнет подбрасывать меня вверх, бить об стены и диван. В руках этого разъяренного невидимого монстра мое тело становится тряпичной куклой, а возможность вырваться из кошмара самостоятельно просто исчезает. Оста-

ется лишь ждать, пока оно наиграется и отпустит меня. Сегодня по моему вымотанному виду можно с точностью определить, что в этот раз я не успела разбудить себя вовремя, и гнев существа обрушился на меня со всей силой.

Наверное, поэтому коллеги так яро стараются обходить меня стороной. Скорее всего, они думают, что я чудачка или вообще заразна, и от меня стоит держаться подальше. Ладно, пусть будет так — навязываться я никому не собираюсь, а тем более объясняться за свой внешний вид. Захотят — спросят, но вряд ли я с кем-нибудь этим поделюсь. В моей семье об этом знают только двое: Олег и Лёля. Олегу, понятное дело, сразу рассказала: он мой парень, поддержка и опора. Секретов между нами быть не может, мы ведь одно целое.

А Лёля... Лёля — это солнечный лучик в зимнюю пору, дающий надежду на скорую весну и теплое лето. Несмотря на то, что она младшая, сестра всегда находила слова, чтобы поддержать меня в трудную минуту. Жаль, что она сейчас так далеко; но, может быть, питерцам с их ужасной погодой этот светлый и жизнерадостный человечек сейчас намного нужнее, чем мне.

— Сегодня снова это случилось, я просто выжата как лимон! Никак не могла собраться с мыслями и доделать задачи, — снова пожаловалась я Олегу.

Парень нахмурился, его и без того черные глаза потемнели, каждый мускул напрягся. Крепче взявшись за сигарету и задумчиво выкулив её, он вдруг расслабился, а его поза

и выражение лица сменились откровенной скукой. Я знала, что Олегу эта тема совсем не нравилась, а может, и вовсе наскучила. Но она волновала меня, поэтому я набралась смелости и продолжила:

— Знаешь, вот обычно от кошмаров быстро просыпаешься, а от этих — нет. Они будто бы тянут меня на самое дно, выпивая все жизненные силы. Наутро я просто истощена, энергии хватает лишь на базовое существование. Нет ни целей, ни планов, ни желаний, понимаешь?

— Боже, это просто сон, хватит нагнетать, — вяло проговорил парень, приглаживая короткие темные волосы на макушке. — Квартира отличная, такую сейчас редко найдешь. А ты хочешь переезжать из-за какого-то глупого сна? Seriously?

— Но мне правда здесь плохо, эта квартира буквально высасывает из меня все соки!

— Это твои подружки высасывают из тебя все соки! — на слове «подружки» он сделал особый акцент, изобразив пальцами кавычки.

— Ты это о чём?

— Seriously? Не понимаешь?

Я только удивленно посмотрела на Олега и крепче вцепилась в горячую кружку чая.

— Да они с тебя только деньги тянут. «Света, заплати за это! Света, заплати за то!» А взамен? Сливают на тебя кучу дерьма, а ты потом приходишь ко мне и жалуешься, что у

тебя не осталось сил поделиться своими новостями. Да дело не в том, что тебе не хватило сил! Тебе просто не дают места в этой компании!

— Олег, ты о чём? Такое бывает во всех отношениях. У них просто сейчас трудные времена, им нужно с кем-то поделиться. А меня они считают отличным слушателем, вот и делятся.

— Скорее, отличным сливным бачком, — усмехнулся он. — В настоящей дружбе всегда есть равноценный энергетический обмен. Даже если сегодня тебя не выслушали, в следующий раз это обязательно должно произойти. А не так, как у вас, где ты всем всё должна, и они еще обижаются, если ты вовремя не ответила и не поддержала их очередное вымученное нытье.

— Олег, прекращай. Если продолжишь, я встану и уйду, понял?

— Ну ответь тогда на вопрос: почему всегда платишь ты?

— Во-первых, не всегда, а во-вторых, у меня возможностей пока больше. Да и мне приятно угостить подруг, в этом нет ничего ужасного. И вообще, хватит курить, ты бросить обещал. Запах на всю квартиру. Не дом, а пепельница какая-то!

— Ты бы лучше так со своими подружками границы отстаивала! — усмехнулся парень, поджигая следующую сигарету.

— Всё. Хватит! — едва не расплакавшись, выкрикнула я.

Быстро выйдя из кухни, я с таким грохотом поставила кружку на стол, что чуть не разбила её.

Слезы медленно стекали по щекам на подушку. Я осталась в темной комнате одна — совсем как в детстве после каждой ссоры в доме. Родители считали, что так они не потакают моим капризам: «Перебесится, и всё будет хорошо». Вот и Олег всегда оставляет меня одну. «Слушай, я просто не знаю, как тебя успокоить. Ну вот что я скажу? Что, по моему мнению, ты сама придумала, на что обидеться, и обиделась? Ну дурость же». Да, правда дурость. Пусть лучше он и дальше не заходит. Я как-нибудь сама справлюсь.

А ведь, возможно, Олег прав насчет моих подруг, а я всё это время просто закрывала на это глаза. Я устроилась на хорошую работу, и вдруг они вспомнили обо мне. Неспроста же, или это случайность? А то, что я стала часто за них платить? Вроде бы это моя инициатива, а вроде бы могли и сами оплатить. Постоянно говорят о своих проблемах, о том, что у них случилось. А обо мне спросить? Они вообще знают, что происходит в моей жизни? Или они спрашивают, а я просто накручиваю себя Наверное, так.

С этими мыслями я не заметила, как провалилась в сон. А точнее — в свой новый кошмар.

Я лежала на мокрой от собственных слез подушке, глядя на тусклый свет, проникающий через щель под дверью. Видимо, Олег уже докурил на кухне и ушел в зал играть за компом. Но вместо привычного клацанья мыши, стука клавиша-

туры и типичных ругательств в адрес ужасных тиммейтов, я снова услышала её — всепоглощающую крошечную тишину. Липкая голодная темнота вновь проникла в дом, в моё сердце и душу, полностью накрыв меня снаружи и изнутри.

Единственным спасением оставался этот тусклый свет из-под двери — мой единственный друг и соратник в надвигающемся кошмаре. Мне нужно было лишь дотянуться до него, открыть дверь и позвать любимого. Он обязательно услышит и придет, стоит только потянуться... Но предательское тело отказывалось двигаться, сколько бы усилий я ни прилагала. Оно будто бы срослось с кроватью — мы росли друг в друга на молекулярном уровне. Мне не убежать, не позвать на помощь: темнота пришла забрать меня, и сегодня у неё это получится. Кровать подо мной вдруг стала мягкой и тягучей; невидимый паук уже давно впрыснул в жертву пищеварительные соки, и теперь пришло время трапезы.

Я медленно погружалась в еще более глубокую тьму: постели больше не было, на её месте зияла огромная чёрная дыра, жаждущая поскорее меня поглотить. Моё единственное спасение, последний лучик надежды — я обязательно должна добраться до тебя, чего бы мне это ни стоило. Только дотянуться, и кошмар исчезнет. Я так яростно сражалась за этот свет, что не заметила, как вместо непокорного тела вперед рванулась моя душа. Меня пронзило чувство жуткого холода. Я умираю? А душа продолжала медленно отделяться, оставляя тело на верную смерть в темной липкой дыре.

«Нет, подождите, я не хочу умирать!». Но душа меня больше не слушалась. Она упорно тянулась к свету, будто говоря: «Разве не этого ты хотела? Мы уже у цели, подожди немного, я скоро до него доберусь». «Нет, нет, нет! Мне нужно моё тело, я хочу продолжать жить!». Но душа наотрез отказывалась возвращаться во тьму. Я буквально разрывалась на части: тело соскальзывало в бездну, а душа всем нутром противилась этому.

— Нет, она ещё не готова, — раздался из темноты строгий властный голос где-то справа, ровно там, где раньше висел уцененный ловец снов из невзрачного ларька.

Я надеялась с его помощью избавиться от кошмаров, но, похоже, затея провалилась.

— Не готова? — вдруг переспросил кто-то.

Этот второй голос звучал не так устрашающе, но всё равно пугал до мурашек. Я попыталась скосить глаза в ту сторону, откуда исходили звуки, но ничего не вышло. Внезапно тьма немного рассеялась, и я краем глаза заметила две фигуры: один силуэт был тонким и длинным, а второй — его полная противоположность, тучный и низкий. Фигуры, не замечая меня, продолжили разговор:

— Да. Ты посмотри на неё! Она ещё слишком слаба! — отрезал властным тоном высокий.

— Но как же голод? Он уже на пределе! — возразил второй.

— Голод, несомненно, важен, но его нужно правильно

кормить. Сейчас ничего не выйдет.

С этими словами тени буквально впитались в стену, оставив после себя лишь покачивающийся ловец снов. Дыра пропала, а тело перестало быть тяжелым грузом; оно снова стало легким, подвижным и единым с душой. Резкий вдох — и я проснулась. Кошмар наконец-то закончился, а я так и осталась лежать на кровати с протянутой к двери рукой.

— Может, это шаманский переход? — вдруг выпалила сестра в трубку.

От неожиданности я чуть не уронила телефон. Перехватив его покрепче, я прижала динамик к уху:

— Чего-чего? Шаманский что?

— Ну переход! Я недавно по телеку смотрела документалку про шаманов. Там говорилось, что прежде, чем человек станет одним из них, к нему приходят духи и буквально расчленяют его. Чтобы стать шаманом, человек должен сначала умереть, а потом возродиться. Конечно, все это происходит во сне. Прямо как у тебя, представляешь? — с энтузиазмом продолжала Лёля.

Я даже представила как в этот момент у неё засияли и без того ярко-зеленые глазки. Как она ходит из стороны в сторону по комнате и накручивает на пальчик свои выющиеся темные локоны.

— А еще весь этот переход сопровождается «шаманской болезнью»: галлюцинации там всякие и всё такое. Представляешь? Это же реально про тебя речь!

— Подожди, какая еще шаманская болезнь? У нас вообще никогда в роду шаманов не было, а это вроде по наследству передается, — осадила я её.

— Это не обязательно, полно таких случаев, — отмахнулась сестра. — Ну что, у нас в семье теперь свой личный шаман появился?

Лёля весело усмехнулась.

— Они ну, эти духи сказали, что я пока вроде не готова, — осторожно подбирая слова, ответила я.

— Так. Они уже тебя выбрали, теперь точно никуда не денутся, — уверенно заявила сестра. — Тебе просто нужно помочь подготовиться. Давай я поищу какую-нибудь знахарку или колдунью в городе? Вроде у моей знакомой была на примете одна такая. Вот она тебя и проконсультирует, и с переходом поможет. Давай, а?

— Я не знаю....

— Что, хочешь и дальше страдать? Духи от тебя не отвяжутся, пока переход не завершится.

— Ох, ладно, уговорила, — сдалась я, тяжело вздохнув.

Я особо не верю во всех этих гадалок, но, когда на горизонте не видно иных решений, пойдешь и не на такое, правда?

Телефон и адрес той знахарки уже давно пылятся в моих заметках. Я всё никак не могу найти время: нужно ехать за город, а у меня на работе глухой завал. Засиживаюсь допоздна, часть задач и вовсе приходится брать на выходные. Какие

уж тут знахарки и шаманки? Благо, после той ночи кошмары прекратились, и это не может не радовать. Правда, выглядеть лучше я не стала. Скорее наоборот: мешки под глазами залегли еще глубже, а нездоровая бледность так и не сошла. Наверное, это всё из-за работы. Да, точно из-за неё.

С каждым днём работа давила на меня всё сильнее. Помимо основных задач, забиравших почти всё время, сыпались мелкие и, по мнению начальства, незначительные поручения. На деле же они отнимали по целому часу от моего рабочего дня. Постоянное переключение между ними вызывало такую тревогу и нервозность, что я долго не могла настроиться на новую цель.

После очередной смены обязанностей я мерно раскачивалась в офисном кресле, как вдруг к горлу подкатил ком. В ушах резко зазвенело, а пространство офиса начало медленно отдаляться. Разговоры коллег слились в один большой зудящий шум, будто я оказалась не в кабинете, а внутри пчелиного улья. На лбу выступил холодный пот. Руки неистово дрожали; глазами я отчаянно искала хоть что-то, за что можно было бы зацепиться взглядом, но безрезультатно. Стоило мне сфокусироваться на предмете, как он тут же растворялся во всеобщей какофонии звуков, цветов и запахов.

Не знаю, сколько времени я просидела так в реальности, но для меня эти минуты тянулись мучительно долго. Настолько долго, что, привыкнув к шуму, я вдруг поняла: я могу вычленять из него отдельные голоса. Они были шипящи-

ми, скрипучими и явно не принадлежали ни одному из моих коллег. Их было много. И они отчетливо выбивались из общего гула. Может, это звук работающей техники или гул проводов? Или это духи, которые пытаются со мной связаться? Неужели я и правда будущая шаманка? Мне нужно прислушаться и понять, чего они хотят. Может быть, я смогла бы им помочь.

Но стоило мне сосредоточиться, как кто-то покровительственно положил теплую руку мне на плечо. Звуки мгновенно пропали. Всё стало прежним: сотрудники работали, телефоны звонили, а клавиатуры снова завели свой привычный марш.

— Телефон, — раздался голос совсем рядом. — Света, телефон звонит. Ты не слышишь?

И правда, мой мобильный разрывался от звонка Маши. Видимо, у неё снова случилась «катастрофа», о которой нужно было срочно рассказать прямо в разгар рабочего дня. Я взяла телефон и быстро сбросила вызов. Что со мной? Раньше я бы ответила не раздумывая. Но сейчас поступок подруги вызывал лишь раздражение, граничащее с омерзением. Разве она не знает, что у меня горят все сроки? Я просто физически не могла взять на себя ещё одну задачу — даже такую, казалось бы, простую, как поддержка подруги.

Отложив телефон, я посмотрела на того, кто меня окликнул. Это был начальник моего отдела — высокий, статный мужчина лет тридцати пяти. Его обычно слегка взъерошен-

ные светлые волосы сегодня торчали во все стороны. Видимо, на нем наш рабочий завал сказывался так же сильно.

— Света, он звонил уже раз пять. Ты не слышала? У тебя всё в порядке? — мягко, но настойчиво продолжал Игорь, сканируя меня своими голубыми глазами.

— Простите, я просто задумалась, вот и не услышала.

— Пять раз не услышала? Сильно, значит, задумалась, — его взгляд стал напряженным. — Света, я вижу, как много ты работаешь в последнее время, но нам не нужны рассеянные и изможденные сотрудники. Нам нужны включенные и горящие своим делом люди, понимаешь? Значит так. У тебя сегодня короткий день, и он уже закончился. А на завтра берешь отгул. И никакой работы на дом, поняла?

Я кивнула.

— Жду тебя в четверг бодрой и счастливой! — Игорь ободряюще похлопал меня по плечу и ушел.

А телефон зазвонил в шестой раз.

— Маша, что такое? У меня жуткий завал, начальник уже ругается из-за твоих звонков, — раздраженно выпалила я.

Хотя я никогда так не делала. Да и начальник не ругался, а, наоборот, дал выходной. Неужели слова Олега так на меня повлияли?

— Ой, Светусик, прости меня, пожалуйста, — легко и беззаботно пролепетала Маша.

Это взбесило меня еще сильнее.

— Просто тут такая новость! Я была обязана тебе сооб-

щить! Готова?

— Не уверена, — с тяжелым вздохом пробубнила я, мысленно готовясь к очередной драме.

— Жанке дали повышение, представляешь?! Я так рада за неё, а ты?

— Очень, — холодно отозвалась я.

— Тогда сегодня отмечаем! Ровно в шесть в кафе «Палуба». Не забудь, целую! — прощebetала подруга, словно не заметив моей напускной отстраненности, и повесила трубку.

В кафе я пришла ровно к назначенному времени. Но, как и ожидалось, девочки еще не появились. Они стабильно опаздывали минут на тридцать-сорок. И этот раз не стал исключением. Я же за это время успевала отстоять очередь за свободным столиком и выбрать напитки для каждой. В такие моменты я напоминала себе верного пса, готового на всё за похвалу от хозяина.

Раньше я считала это нормальным стечением обстоятельств: ведь кто-то же должен занять столик? Но почему этим человеком всегда оказывалась я?

Этот вопрос не давал мне покоя, пока я потягивала свой напиток и смотрела, как молодые и неопытные музыканты играют джаз. Скорее всего, это было их первое выступление. Они часто сбивались и начинали сначала, и казалось, что кульминационного момента мы сегодня так и не дождемся.

Их игра очень напоминала мои мысли в тот момент: я только находила ниточку, связывала события между собой,

как вдруг спотыкалась о противоположную мысль и просто теряла нить повествования, оказываясь в тюрьме своих негативных эмоций. И, пытаясь вернуть себе прежний контроль, я снова возвращалась к первой мысли: «Почему я всегда прихожу первой?».

Моё ли это решение или навязанное кем-то? Ведь я могу так же приходить позже, почему я этого не делаю? Я сама пытаюсь получить одобрение от девочек, или в наших отношениях нарушена горизонталь, и я оказалась в самом низу иерархии? Сама ли я этого добилась, или изначально мной просто пользовались?

На этих мыслях девочки впорхнули в зал. Громко и задорно смеясь, они привлекли не только моё внимание, но и, кажется, каждого человека в этом кафе. Даже музыканты споткнулись на новом месте в мелодии. Эти две очаровательные зеленоглазые блондинки всегда собирали кучу восторженных комплиментов, а их сходство друг с другом было настолько удивительным, что при первом знакомстве многие принимали их за сестер. Кажется, на этом они и сошлись — на красоте и любви к моде.

Я же на их фоне всегда выглядела гадким утенком. Возможно, поэтому меня не принимали в их компашку долгое время? Но что же произошло сейчас? Мои мысли снова прервали.

— Светочка, ты просто герой! — весело пропела Маша.

— Как всегда вовремя, мне даже стыдно теперь! — без

капли сожаления весело подхватила Жанна. — Ты как? Не скучала? — продолжила первая.

— Нет, я вот музыкантов слушала. Кажется, они еще новички в этом деле, часто сбиваются

— А шампанское уже заказала? Нам срочно нужно шампанское, чтобы отпраздновать мое повышение! — перебила меня подруга.

Такое часто случалось, меня и раньше это расстраивало, но сегодня мне это вконец испортило настроение. Я почти до конца вечера молча проковырялась в своей тарелке, слушая фоном джаз неопытных ребят. Лучше уж так, чем вслушиваться в щебет подруг, поддакивать и задавать дежурные вопросы. В общем, делать вид, что всё хорошо.

Но «подруг», кажется, совершенно не волновало моё отстранённое поведение. Они с прежним жаром болтали, рассказывали истории, всё время перебивая друг друга и перекакивая с темы на тему. Под конец вечера они удосужились снова обратить свой взор на меня.

— Светочка, а как у тебя дела с Олегом? Все хорошо? — озабоченно спросила Маша.

— Да, у нас с ним всё хорошо.

— Просто ты перестала о нем нам рассказывать. Раньше, как заводная всё пела о нем, а сегодня ни словечка

Вот смехота. Они считают, что я с ними не делюсь, потому что у нас с Олегом что-то не ладится. Вот дурочки Я ничего не рассказываю, потому что это у нас с *вами* ничего не

ладится, а не с Олегом. Он-то мне на вас глаза и открыл. Теперь я всё вижу.

— Просто я недавно поняла, что счастье любит тишину. Вот и всё, — еле сдержав смешок, ответила я.

Девочки переглянулись, кивнули друг другу. И уже Жанна продолжила:

— Слушай, мы не хотим тебя расстраивать, ведь у тебя и так проблем сейчас куча. Но как подруга я должна нет, я обязана тебе всё рассказать.

«Подружки» наперебой начали рассказывать мне страшную тайну, которую узнали недавно. По их словам, мой парень, оказывается, переписывается с разными девушками и зовет их погулять. Даже одной из знакомых Маши напisyвал, но она ей не поверила. Мало ли, просто увести хочет. Но совсем недавно, на этой неделе, Жанна своими глазами видела Олега с какой-то девушкой в кафе.

Нет, во весь этот бред я просто не могла поверить.

— Ты его точно с кем-то перепутала, у него внешность типичная.

— Может быть, а если нет?

— Точно тебе говорю, Олег на такое просто не способен. Девушки снова переглянулись.

— Светочка, а ты ничего странного не заметила в его поведении? Он в последнее время никак не изменился?

— Да нет. Ну, может, ссориться стали чуть чаще

— Вот!

— Нет, нет. Это всё из-за моих кошмаров. Он просто уже устал меня успокаивать.

— Из-за каких кошмаров? — заговорщически переспросила Жанна.

— Ну, если коротко, толи Олег, толи кто-то еще в роли его просит на него посмотреть. Если я отказываюсь, а я всегда отказываюсь, то мне устраивают взбучку. Как-то так.

— А ты не думаешь, что этот кошмар тебе вовсе не враг? Он, наоборот, хочет сообщить тебе что-то.

— Что?

— А то, что нужно посмотреть в глаза реальности и заметить, что с Олегом что-то не так.

— Так, девочки, эту тему закрываем. Я доверяю Олегу, и точка.

— Но сон буквально об этом. Ни мама, ни сестра, ни кто-то еще просит на него посмотреть, а именно Олег. Разве этого недостаточно? Твое подсознание буквально кричит тебе об этом!

— Он тебя уже против подруг настраивал, чтобы они тебе ничего лишнего не сболтнули?

— Чего?

— Ну а что? Типичный поступок абыюзера.

— Ладно, Светусик, поступай как знаешь. Но помни, что мы всегда рядом и готовы тебя поддержать в любую минуту.

Вышла я из кафе с туманом в голове. Я просто не могла поверить словам девочек. А зачем верить, ведь я знаю, что

Олег никогда бы так не поступил со мной. Это ошибка, Жанна просто всё перепутала, и никакого Олега не было в этом злополучном кафе. Да, нужно просто выбросить эти мысли из головы, и всё.

Туман потихоньку развеивался, и на его месте появлялось сильное желание увидеть любимого и нырнуть в его нежные объятия. Чтобы он крепко-крепко прижал к себе и сказал, что любит меня сильно-сильно и никогда не позволит, чтобы я расстраивалась или плакала.

Войдя в квартиру в предвкушении теплой встречи, я с сожалением обнаружила типичную для последних месяцев картину. Свет везде выключен, горит только лампа у игрового стола Олега. Он, не замечая ничего происходящего во внешнем мире, рубится с друзьями по сети. Ни «привет», ни «как прошел твой день?», ни объятий — я не достаиваюсь даже его взгляда. А на кухне меня ждет немытая посуда и гора выкуренных Олегом бычков.

Как же мне все это надоело! Но ничего не могу с этим поделать. Последняя наша перепалка на тему компьютерных игр закончилась как-то так:

— Ты можешь сама себя развлечь, а? — грубо процедил Олег сквозь зубы. — Почему я должен тебя веселить? Я тоже устал, тоже хочу отдохнуть. Но заметь: я сам нашел себе занятие! Постарайся сделать так же.

И в чем-то он был прав. Мне правда стоит заняться чем-нибудь для себя. Хотя бы для того, чтобы не мельтешить пе-

ред Олегом, а после даже поделиться с ним новым опытом. И снова стать ближе, и вернуть всё как было раньше: глубокие разговоры допоздна и жаркие объятия до мурашек. Я потратила на придумывание занятия почти полчаса, но, не найдя ничего лучше, чем закончить задачи по работе, ушла в них с головой.

Вырвал меня из этого состояния звонок от Игоря.

— Света, я не понял, почему мы игнорируем распоряжения руководства? — раздался в трубке голос Игоря.

— Добрый вечер! Я совсем не работаю, с чего вы взяли?

— Я вижу тебя в сети. Закрывай рабочие чаты и иди отдыхай. — устало проговорил начальник.

— Я буквально на пять минуточек зашла посмотреть, как идут дела. Для меня это тоже важно.

— Понимаю, ты девушка ответственная, но, чтобы завтра я тебя даже на пять минуточек в сети не видел. Ты меня поняла? — с напускной строгостью спросил Игорь.

— Договорились, выхожу, — с легкой улыбкой сдалась я и повесила трубку.

Обдумывая, чем бы мне еще заняться, я не заметила, как за спиной появился Олег.

— Что, начальник наседает? Давай я с ним поговорю, так не делается. Вечер и работа — это просто две несовместимые вещи!

— Нет, ты не так понял. Он, наоборот, звонил сказать, чтобы я сейчас перестала работать. А на завтра вообще вы-

ходной дал.

— А вот это даже интересно. Откуда такая забота от начальника? Он, случаем, к тебе в ухажеры не напрашивается?
— съязвил Олег.

— Ты что! Нет, конечно! Он просто увидел мое состояние и понял, что такой сотрудник ему ни к чему. Пусть лучше отдохнет, чем всё испортит.

— А что у тебя сегодня стряслось?

— Снова эти кошмары. Только они теперь даже в реальность перешли, представляешь?

— А-а-а понятно. И правда, отдых тебе не помешает, — будто бы отмахнулся от моих переживаний Олег.

И мне вдруг стало невыносимо больно. В груди предательски закололо, а на глазах проступили слезы. «Отвернуться, убежать, скрыть слезы, сделать всё, чтобы не показаться слабой», — кричало мне подсознание. «Всё равно нас не поймут, посмеются и сделают еще больнее. Ты знаешь об этом, так всегда происходит», — не уставало оно повторять. «Бежать, бежать, бежать скрыться и перетерпеть бурю».

И я уже была готова снова рвануть в спальню, закрыться одеялом с подушкой и притвориться сонной, только бы не слышать упреков о своей мягкотелости от любимого. Но голос вдруг предательски задрожал.

— Ты бы лучше обнял меня, а не советы раздавал, — чуть всхлипывая, проговорила я.

И Олег подошел. Крепко обнял меня — ровно так, как я

и просила, как представляла это целый день до этой минуты. И вроде бы я должна быть счастлива, что меня наконец-то услышали, поняли, откликнулись на мой зов. Но, к своему удивлению, я обнаружила, что чуда так и не произошло.

Вместо того чтобы всем своим нутром испытать чувство любви и нежности от теплого дыхания и прикосновений любимого человека, я чувствовала лишь звенящую пустоту в сердце. Мне совсем не хотелось отвечать взаимностью на такие желанные прикосновения. Теперь они казались мне вымученными, будто я на них просто напросилась. Олег никогда не испытывал желания обнять меня при ссоре, после того как обидел. А сейчас подошел, сделал это. Почему? Потому что я выглядела сегодня так жалко?

Ну, конечно. Эти глубокие, не проходящие неделями черные мешки под глазами, бледное и костлявое тело, спутанные черные волосы, больше похожие на воронье гнездо — всё это вызывало у людей только сожаление. А эти красные от слез глаза делали картину еще более драматичной. Жалость — вот что испытывает ко мне любимый. Не любовь, не нежность — только жалость.

От этих мыслей мне захотелось поскорее зажмуриться и сбежать из этого мира, где люди не испытывают ко мне ничего, кроме жалости. От начальника, который дает выходной, чтобы больше не видеть перед собой похожего на труп человека. От подруг, которые готовы выслушать только тогда, когда всё идет наперекосяк. От Олега, который дает тепло и

ласку только в критический момент. От всех и сразу, прямо сейчас.

Я просто хочу исчезнуть

Олег еще что-то говорил, но я его не слышала. Или не хотела слышать. Я только крепче сжимала веки, продолжая тонуть в омуте своих чувств. И стоило мне в очередной раз зажмуриться еще сильнее, как под ногами разверзлась дыра — та самая, из недавнего кошмара, та, что так сильно испугала меня в тот вечер.

Только в этот раз я решила шагнуть в неё сама, по доброй воле. Она больше не казалась такой страшной или липкой. Сейчас она виделась мне добрым другом, спасающим от всех невзгод реального мира, забирающим всю мою боль и комок переживаний, так тревожащих меня. Мне хотелось падать в неё всё глубже, полностью раствориться в своей печали по несбывшейся человеческой любви. Дыра дарила мне тепло, которого я так и не получила от близких.

Болтаясь в невесомости, я всё яснее чувствовала, как силы покидают меня: тело перестало быть осязаемым, и я всё глубже погружалась во тьму.

И когда, как мне показалось, я полностью потеряла хоть какую-то связь с реальностью, моё сердце забилося с новой силой. По всему телу прошелся звенящий холодок. Тьма снова стала липкой и холодной, я ощутила, как она медленно, но прожорливо поглощает меня. В груди затаился страх — животный страх смерти. Мне захотелось поскорее открыть

глаза, выбраться отсюда и снова оказаться дома, где горит приглушенный теплый свет, где есть мягкий диван и твердый деревянный пол под ногами.

Но сделать это оказалось невероятно трудно: я слишком долго падала. Мой уютный дом остался где-то там, наверху, и сейчас мне нужно было приложить массу усилий, чтобы вскарабкаться туда, где меня ждет теплая кровать и горячий чай с лимоном.

Я цеплялась за липкую тьму, переставляла ноги и руки, с усилием поднимала своё тяжелое, холодное тело. И даже когда всё казалось тщетным, я продолжала путь, продолжала бороться за свою жизнь.

Мои действия наконец-то принесли плоды, и я увидела свет. Ещё чуть-чуть, и я смогу за него ухватиться. Я снова слышала звуки: их было очень много, и все они были разными. Одни — громкие и резкие, другие — кричащие. И лишь один выделялся из всей этой какофонии. От него веяло теплом и нежностью. Это был голос Олега. Я ухватилась за него со всей силы и продолжила свой путь наверх.

Когда я наконец открыла глаза, я уже не стояла посреди комнаты, а сидела на полу, крепко вцепившись в Олега. Он молчал. Я чувствовала, как футболка и штаны вымокли от пота, как бешено колотится сердце, а руки превратились в две маленькие ледышки, судорожно сжимающие кофту любимого.

— Что произошло?

— Не знаю. Я думал, ты захотела присесть, вот мы и сели.

А что случилось?

— Кажется, я потеряла сознание. Ты не заметил?

— Да? Не подумал об этом. Наверное, устала просто. Тебе нужно поспать, время-то недетское.

Он не заметил. Не видел, как я медленно проваливалась во тьму, как судорожно искала спасение и нашла его в нём, в его голосе, в его теплых прикосновениях. Просто не заметил, не придал этому должного значения.

Что ж, мне и правда стоило отдохнуть, но снова погружаться в небытие совсем не хотелось. И вместо долгожданной постели я выбрала горячий душ минут на пятнадцать.

Черные волосы были везде: на раковине, на стенах душевой кабины, сливной сток забился ими сполна. Видимо, из-за стресса они стали выпадать пугающе часто. С этим надо что-то срочно делать, иначе я совсем облысею. А с моим теперешним видом это вообще станет катастрофой.

Перерыв все свои записи, я наконец нашла его — номер знахарки. И, договорившись с ней на завтра, заснула крепким глубоким сном.

Глава 2

Когда я проснулась, стрелка на часах показывала полдень. Яркие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь толщу занавесок, освещали комнату теплым светом и нагрели пол так, что по нему уже можно было пройти босиком, не боясь встретиться с пробирающим до мурашек холодом. Встреча была назначена на четыре, значит, мне оставалось меньше часа на сборы, чтобы, преодолев дорогу в несколько километров, прийти вовремя и не заставить мою спасительницу ждать.

Выглядела я сегодня не лучше, чем обычно, но в зеркале в своих вечно уставших глазах я заметила искорку надежды. Да, сегодня день обещает много хороших новостей, и я готова к ним. Собрав поредевшие черные локоны в пучок, я была готова нырнуть в этот вихрь новых событий. И пусть они меня унесут в страну, где нет места боли и печали, где есть только радость и покой, чтобы больше никаких кошмаров, а только сладкий и крепкий сон.

Проведя несколько часов в дороге, я наконец добралась до точки назначения. Дом знахарки находился в маленьком поселке. Каждый житель знал её лично и обращался за советом не раз, потому найти дом не составило для меня особого труда. Да и без подсказок местных я бы могла сама догадаться, где живет человек, который мне нужен. На её участке вместо парников и огородов расположился целый сад неиз-

вестных мне растений, видимо, нужных ей по работе.

От жителей я также узнала, что знахарку каждый зовет так, как ему привычней. Кто-то называет её так же, как моя сестра, потому что она спасла ему или его близким жизнь. Кто-то — травницей, так как использует женщина в своих методах лечения только травы. А кто-то — колдуньей или даже ведьмой, и обходит её дом стороной. Сама же она предпочитает называться целительницей. Так я и стала её называть. Работает целительница чаще с душевными болями, а с телесными советует обращаться к врачу в больницу. Мне даже понравился такой подход. Можно смело сказать, что она никакая не шарлатанка и не вытягивает из доверчивых людей деньги.

Целительница встретила меня у ворот и сразу повела в дом. Она оказалась женщиной лет тридцати пяти с темными вьющимися волосами, в которых четко проступала седина. Никакими косметическими средствами она не пользовалась, но, видимо, из-за свежего воздуха кожа её не потеряла ни блеска, ни упругости. А мимические морщинки у уголков губ и глаз только придавали ей шарма.

Ни о чем не спрашивая, она повела меня в самую дальнюю комнату, набитую огромным количеством различных благовоний, склянок и сухих пучков трав, подвешенных под потолком. Посадив меня на большой ковер посреди комнаты и попросив оголить спину, она начала свой ритуал. Зажгла несколько благовоний и маленький пучок трав, которым ста-

ла окуривать меня со спины, при этом всё время что-то бормоча. Как я ни старалась, слов так и не смогла разобрать. Ритуал, как мне казалось, шел вечно. Ноги уже знатно затекли, но шевелиться и менять положение целительница мне не разрешала.

Спустя ещё какое-то время женщина потушила благовония и травы, помогла мне одеться и встать. Пригласив в зал и налив травяной чай — как мне показалось, жасминовый, — она попросила подождать какое-то время, чтобы прибраться в комнате и набраться сил.

Я сидела на выгоревшем от солнца и потрепанном от старости пурпурном диване. Рядом стояли два точно таких же кресла. Передо мной располагался маленький журнальный столик, на котором с заботой был оставлен чайничек и тарелочка с печеньем. Стены, как и пол, были деревянными, а потолок просто побелен. Всё помещение было заставлено какими-то статуэтками и горшками с цветами.

Я посмотрела на время: было уже шесть. Подождав еще немного, я снова увидела целительницу, выходящую из комнаты, где недавно проходил ритуал. Я почти не обратила на это внимания, так как она всё время то входила, то выходила оттуда, занося и вынося какие-то вещи. Но в этот раз она вышла без своих инструментов и села рядом со мной.

Наш разговор тек неспешно: она расспрашивала про моё самочувствие, работу, друзей, про атмосферу дома и о том, что привело меня к ней. Я начала всё честно рассказывать.

Иногда она улыбалась, иногда на долю секунды смешно морщила свой маленький носик, а порой и вовсе оставляла мои слова без реакции. Я всё время гадала, о чем она думает. Мне очень хотелось ей угодить, чтобы видеть лишь улыбку на её обворожительном лице. И когда я уже почти потерялась в этом навязчивом желании, целительница вдруг жестко прервала меня, показав ладонью «стоп». Помолчав минуту, она заговорила.

— Про шаманов. Сестра твоя, конечно, поспешила с выводами, но хорошо, что направила тебя ко мне, — с улыбкой начала женщина. — Вокруг тебя и правда много душ летает. Неприкаянных, голодных, злых. Они-то тебя потихоньку и подъедают.

Я на мгновение испугалась. Значит, это всё правда, и это их голоса я часто слышу. Интересно, а что они говорят? Хотят что-то сказать мне или просто общаются между собой? Но свой вопрос я так и не успела задать, целительница снова заговорила.

— Но вижу, ты и сама с этим неплохо справляешься, — с усмешкой проговорила женщина.

— С чем справляюсь?

— С тем, чтобы себя съесть. Духи так, понемножку берут, а ты вот откусываешь целые куски. Ты сама кого захочешь съешь, — снова засмеялась целительница, но вдруг добавила серьезно: — Но делать этого не смей.

— Я? Себя?

— Да, а ты что, не чувствуешь?

Я стала вспоминать. Но, видимо, думала так долго, что травница продолжила сама.

— Ты вот рассказывала, что как только думаешь о негативе, сразу в яму какую-то попадаешь и туман в голове. В это время и начинаешь себя есть. Нужно остановиться и на мир взглянуть, помедитировать, успокоить свой ум, поняла?

— Да, — со вздохом проговорила я. — Но всё же, что эти духи говорят? И говорят мне или так, между собой?

Целительница покачала головой, но всё равно ответила.

— И тебе, и между собой, но слушать их не стоит, к беде это приведет. Ты лучше к свету стремись, а мысли о темноте отбрось.

— Если бы это было так просто. Мне эти кошмары снятся почти каждую ночь, даже на работе стала их видеть. Как тут про них забыть?

— Вижу, в детстве что-то похожее было, тоже с тьмой игралась, времени ей много уделяла. Потом от кошмаров много детских слез пролила.

— Да, и правда, было такое. В детстве очень плохо спала и по ночам плакала.

— Но что-то тебя в тот момент остановило, что-то вывело на свет. Ты только вспомни, и кошмары исчезнут. Можешь для этого даже свои детские фотографии просмотреть, в дом, где детство провела посетить. Может, что и припомнишь.

По дороге домой я долго размышляла над последними словами целительницы. Но как я ни старалась, вспомнить, что меня тогда спасло, просто не получалось.

Я очень хорошо помнила, как боялась темноты в детстве. Как почти каждую ночь просыпалась от кошмаров и бежала в родительскую комнату за утешением, но вместо этого получала лишь упреки в том, что я уже взрослая девочка и должна спать одна. И обреченная маленькая я должна была пробираться через кромешную тьму обратно в свою слабо освещенную комнату.

Благо, потом родители купили мне ночник, и мне уже было не так страшно засыпать одной. Точно, ночник! Как же я до этого не додумалась раньше? Позитивное мышление и ночник — вот моё спасение!

Я написала Олегу, чтобы тот срочно купил мне ночник. Домой получится добраться лишь к десяти, магазины к этому времени уже закроются, а я больше не могла откладывать свою борьбу с бессонницей. Нервы были на пределе, и если так продолжится, то я точно потеряю работу и себя?

Придя домой, я увидела на прикроватной тумбочке маленький ночник в виде снеговика. Прокрашен он был уж очень плохо: глаза разъехались в разные стороны, а краска от шарфа окрашивала не только брюшко, но и почти пол-лица этой маленькой фигурки.

— Нравится? Я долго выбирал, этот был самый лучший! — с гордостью проговорил Олег, облокотившись о дверной

проем. — Тут даже есть несколько режимов: белый свет, теплый и желтый. Ну как?

— Какой-то он ну, страшненький. Да и сейчас не Новый год, причем тут снеговик? — чуть погодя ответила я.

— Если не нравится, можешь выкинуть. Завтра сама купишь такой, какой придется по душе, — парень скрестил руки на груди и нахмурился.

Раньше, увидев эту картину, я бы бросилась к Олегу с извинениями и долго бы уговаривала его перестать дуться и наконец простить меня. Сегодня же я пошла в нападение. Разве я не достойна любви и заботы? Почему мне постоянно нужно довольствоваться крохами? Нет, так больше не будет.

— Мог бы и постараться для любимой девушки, — вдруг выпалила я.

— Постараться? Да куда больше? Я оббегал почти весь район, чтобы купить тебе его. И долго выбирал, не взял первый попавшийся.

— А кажется, что совсем наоборот. Я так долго борюсь с кошмарами, и вот наконец у меня появилась возможность выспаться, а ты даже такую простую просьбу не смог выполнить. Вместо нормального ночника купил это страшилище.

— Извини, что ночник тебе не понравился, но я правда старался. А ты бы вместо претензий могла просто сказать «спасибо». Я ведь даже не обязан был после работы шататься по магазинам и покупать тебе ночник.

— Не обязан?

— В том-то и дело, что нет, — обиженно проговорил Олег и вышел из комнаты.

Я хотела как-то ответить, уколоть его побольнее, чтобы показать, как сильно он меня обидел своим поступком, но слов так и не смогла подобрать.

То ли из-за ссоры, то ли из-за этого неказистого ночника сон ко мне сегодня так и не пришел. Навалилась только дремота, сквозь которую пробивались голоса неизвестных мне душ. Мне так хотелось наконец услышать, о чем они говорят, но сделать это оказалось просто невозможным. Как только я начинала прислушиваться, волна новых голосов обрушивалась на меня с новой силой, оглушая и не давая собраться с мыслями. Так я пролежала всю ночь, а наутро снова чувствовала себя разбитой.

— Видимо, один выходной оказался бесполезным в твоей ситуации? — вежливо поинтересовался Игорь.

В комнате отдыха мы были только вдвоем. Вся эта атмосфера помещения с мягкими креслами и запахом кофе только подталкивала к непринужденному общению. Так что я решила открыться.

— Это всё из-за кошмаров. Не могу избавиться от них уже несколько месяцев.

— Да, одним днем тут не обойтись, нужен полноценный отдых. Но сейчас отпуск я тебе дать не могу. Сама понимаешь: сроки горят, а план должен выполняться, — с сожалением проговорил Игорь.

На мгновение мне показалось, что глаза его из небесно-голубых превратились в темно-синие, похожие цветом на очень глубокое озеро. Интересно, какими мои глаза станут, когда вся эта история закончится? Из угольно-черных превратятся снова в Я так долго видела себя с этим цветом, что даже забыла, какими они были раньше. Темно-коричневые? Или каштановые? Нет, вспомнить мне никак не удастся — я слишком срослась с этой внешностью и теперь воспринимаю себя только так.

Мои размышления прервал Игорь:

— Эй, ну ты чего? Я правда сейчас не могу тебя отпустить. Ты выполняешь важную часть работы, заменить тебя пока никто не сможет, прости.

— Нет-нет, я всё понимаю. Да и сама хочу доделать эту работу до конца. А передавать её просто не имеет смысла: каждому придется объяснять всё сначала, а это займет даже больше времени, чем мой труд.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Игорь улыбнулся мне, и я почувствовала, как прямо из сердца по всему телу разлилось тепло, согревая мои вечно холодные руки и еще больше туманя разум. Казалось бы, такой маленький жест, а как он был нужен в это непростое для меня время.

После работы я напрямиком направилась в магазин, чтобы купить себе нормальный ночник, который бы радовал, а не раздражал, как этот непутевый снеговик. Обойдя все полки

и заглянув в самые дальние уголки, я наконец нашла его: мой маленький японский фонарик, сделанный из бумаги и дерева, который так хорошо подходил к интерьеру спальни.

Зажгла его перед сном, надеясь хоть сегодня провалиться в объятия Морфея, но кошмар только ухудшился. Вместе со звуками теперь летали темные тени по всей комнате. И хоть глаза мои были закрыты, я чувствовала их всем своим нутром: как они поднимались под потолок, а после медленно приземлялись на подушку, всё время что-то шепча мне.

Нет, ночник здесь не поможет. Нужен другой способ прогнать плохие сны. Что-то же еще было в детстве, но что? Вспомнить я этого не могла. Может быть, поездка к нашему старому дому поможет мне найти ответ?

— Поедешь со мной? — спросила я Олега, допивая свой утренний кофе.

Докурив свою зловонную сигарету, он откинулся на спинку стула. Подождав какое-то время и, видимо, обдумывая моё предложение, парень с тяжелым вздохом ответил:

— Потратить свой выходной на поездку туда и обратно куда-то за город, чтобы найти то, не знаю что, по совету гадалки? А что? Отличная идея!

В его голосе читалась язвительность, поэтому я переспросила:

— Точно поедешь?

— Я же сказал, что поеду. Зачем переспрашивать? Хоть идея мне не по душе, но я понимаю, что для тебя это важно.

Мало ли, и правда найдем что-нибудь.

Олег улыбнулся. А я не почувствовала ничего, кроме неприязни к нему. Снова я всё выпросила, а он из жалости готов на всё, чтобы не испытывать чувства вины.

В эту субботу мы отправились с Олегом к моему старому дому, где я провела всё свое детство. Потом у родителей появилась более перспективная работа в городе, и мы переехали. Помню, как нам с Лёлей совсем не хотелось уезжать, мы хотели забрать в город всё: и малиновый кустарник, с которого мы постоянно подъедали ягоды во время прогулок, и уличных котят, что так часто увязывались за нами, а еще поле, лес и реку, что текла между ними. Но увы, это просто физически было невозможно. Позже мы часто приезжали сюда с сестрой, вспоминали детство, смотрели за изменениями, которые происходили с домом. Потом Лёля переехала, а мне стало просто невыносимо приезжать сюда одной, бродить по этим тропинкам и видеть, как наш старый дом медленно разрушается. Видимо, новые хозяева совсем перестали заботиться о нем и решили построить новый, даже место расчистили под него. Как же больно смотреть, когда последнее, что напоминало тебе о твоём счастливом детстве, разрушается прямо у тебя на глазах.

Придя сюда с Олегом, я уже и не надеялась увидеть дом, но он всё ещё стоял. Правда, был он в ужаснейшем виде: стекло в нескольких окнах уже не хватало, некоторые стены начали обваливаться, а крыша совсем покосилась. Вместо ма-

миных любимых клумб красовался ровный зеленый газон. А рядом стоял почти достроенный новенький светлый особняк. На него мне совсем не хотелось смотреть. И несмотря на то, как искусно он был сделан, моего внимания он точно не достаивался.

Когда мы прошли мимо участка и направились к полю, на меня нахлынули воспоминания. Я вспомнила, что именно по этой тропе я убегала в лес, чтобы спрятаться от всего и всех. И у меня это отлично получалось. Помню, как маленькой сильно радовалась, что нашла такое укромное место, где никто и никогда бы не смог меня найти. Сейчас же я понимаю, что никто и не искал меня тогда. «Перебесится и придет», — вот что они думали.

И я приходила. Правда, перед этим долго проигрывала различные сценки со своей вымышленной подругой, переписывая реальность так, чтобы я обязательно оказалась победительницей, а не какой-то проигравшей. Эта детская забава спасала меня в трудные времена. Жаль, что мою вымышленную подругу тоже нельзя было взять в город: она исчезла прямо за несколько дней до переезда и больше не появлялась. Как же мне её тогда не хватало в этом чужом сером городе! Хорошо, что Лёля всегда была рядом и утешала меня своими детскими проказами.

Вернувшись к дому, мы обошли его дважды, но ничего, кроме детских воспоминаний о побеге, ссорах с родителями и играх с Лёлей, мне не удавалось вспомнить. Неужели всё

это было зря?

— С самого начала было ясно, что затея бредовая, — буркнул Олег. — Только деньги спустила на эту мошенницу.

— Может, нужно другое место?

— Может. Но уже без меня, ладно? Я не собираюсь тратить выходные на поездки невесть куда, спонсируя твою веру в мистику.

— Почему ты так категоричен?

— Потому что это бред. Я тебе сто раз говорил: тебе нужен нормальный отдых, адекватный круг общения и хобби, куда ты могла бы сливать творческую энергию. А не вот это вот всё

— Ты считаешь, я так развлекаюсь?

— А что ты еще делаешь? Меня ты не слушаешь. Зато стоило Лёле ляпнуть про шаманов, как ты побежала исполнять. Нашла кого слушать. Лёля же это, с приветом, — он выразительно покрутил пальцем у виска.

— Так, стоп. Про меня можешь говорить что угодно, но сестру не трогай, понял?

— Ладно, понял. Туда не лезу.

Всю обратную дорогу мы молчали. Наши отношения сейчас походили на оголённый электрический провод. И тот, кто подойдёт ближе и попробует его починить, сразу будет вознаграждён несколькими ударами тока. Поэтому никто из нас сейчас даже не собирался пробовать помириться. Сначала нужно, чтобы напряжение спало, а потом уже можно начи-

нать.

Всё это время я не могла найти себе места: ёрзала по сиденью, теребя что-то в руках. Мысли скакали сами по себе, и я не могла их остановить. Посмотрев на Олега, я надеялась, что он находится в том же состоянии, что и я. Но он, кажется, чувствовал себя намного лучше. Парень всё это время то залипал в какое-то видео, то с кем-то переписывался, тихонько похихикивая. Кажется, ему было абсолютно всё равно на царившее между нами напряжение. Такая картина ещё больше вывела меня из равновесия.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я начала посматривать то в окно, разглядывая пейзажи, то на рекламу в вагоне или на лица попутчиков. Периодически реальность начинала искажаться: люди превращались в неумелые карикатуры, словно наспех нарисованные детской рукой, рекламные постеры приобретали неестественные кислотные цвета, а буквы на них расплывались. Мне снова захотелось исчезнуть, испариться из этого мира, оставив после себя лишь еле заметную дымку. Я закрыла глаза, пытаюсь слиться с этим местом, стать одним целым с шершавым сиденьем электрички и мерным стуком её колёс.

Гул в голове только нарастал, но вместо того, чтобы привычно вслушиваться и вычленять слова, я решила раствориться в нём. Каждая клеточка моего тела начала вибрировать в унисон с окружающей действительностью. Запахи, звуки, тактильные ощущения перестали быть чем-то отдель-

ным — теперь они стали единым целым. Ничто из них не брало верх, не перекрывало друг друга, наоборот, они гармонично дополняли общую картину. Когда я вслушивалась в эту новую для меня мелодию ощущений, мои мышцы постепенно расслаблялись, и я стала медленно погружаться в долгожданный сон.

Резкий свист и толчок вырвали меня из этого блаженства. Все мышцы мгновенно напряглись, готовясь к прыжку на того, кто посмел всё испортить. Я почувствовала, как костяшки пальцев побледнели от того, насколько сильно я впиалась руками в сиденье, а в животе предательски заурчало. Голод пронзил всё моё тело.

«Сожрать. Разорвать», — пронеслось у меня в голове, а рот мгновенно наполнился слюной.

Чья-то тёплая рука коснулась моего бедра. Не задумываясь ни секунды, я схватила её и уже была готова перегрызть глотку этому наглецу. Открыв глаза, я увидела испуганного Олега. Он быстро отдёргнул руку и ещё пару мгновений смотрел на меня с опасением.

За это время я успела рассмотреть себя в его потемневших зрачках. Волосы взъерошены, будто через них прошёл ток, всё тело напряжено и готово к броску, а лицо исказилось в зверином оскале. От этого вида я и сама замерла в оцепенении.

Видя моё смятение, парень немного успокоился.

— Испугалась, да? — слегка смущённо проговорил Олег.

— Наша станция, пора выходить.

По дороге к дому никто из нас так и не заговорил — ни о случившемся в электричке, ни о той ситуации перед ней. Только живот изрядно поднывал, требуя поскорее чем-нибудь перекусить. «Ничего, скоро придём домой и наконец-то поедим», — мысленно успокаивала я его.

Но этому плану не суждено было сбыться. Подходя к подъезду, мы услышали чьё-то истошное мяуканье. Оно было глухим, будто кто-то из-под самой земли жалостливо просил о помощи. Мы с Олегом остановились и стали искать место, откуда исходил звук. Но ни на деревьях, ни на фасаде дома никого не было видно. Неужели и правда наш бедолага оказался закопан?

Мы не успели обсудить странную находку, как к нам подбежала молодая пара с лопатой и ломом.

— Там котёнок, его нужно скорее достать! — взволнованно проговорила рыжеволосая девушка.

— Котёнок? Что он там забыл? — переспросил Олег.

— Сегодня трубы закапывали. Видимо, не заметили. Нужно сейчас плиты поднять и достать его, — быстро объяснил парень. — У вас дома какие-нибудь инструменты есть? Можете помочь?

Почти весь вечер мы потратили на спасение этого рыжего непоседы, который после поднятия тяжёлых плит всё никак не хотел выходить из своего пристанища. Даже кошачья еда не вызывала у него интереса. Он всё сидел под трубами и

шипел. А мы с ребятами, которые оказались нашими соседями, сидели и ждали, когда котёнок всё же соизволит выйти на свет.

— Кстати, я Денис, — протянув руку для рукопожатия, представился парень. — А это Вера, моя жена.

— Приятно познакомиться!

— Может, за знакомство вина? — с улыбкой спросила девушка.

Никто из нас не был против, и уже через десять минут мы сидели в пледах с бокалами вина около разрытой ямы и всё так же ждали нашего пугливого друга. Разговор шёл гладко, пока Олег, перебрав вина, не стал во всех красках расписывать соседям мои кошмары, походы к целительнице и «шаманскую болезнь». Делал он это навеселе, сдабривая рассказ ехидными смешками в адрес моего поведения.

— И представляете, сегодня мы попёрлись к какому-то разваливающемуся дому по совету этой ну, то ли шаманки, то ли колдуньи. Походили там, побродили и вернулись ни с чем. Не знаю, чего Света ожидала. Божьего благословения, наверное. По факту — только деньги выкинули и выходной намарку.

В это время я сидела рядом и сгорала от стыда и злости. Мне хотелось поскорее закрыть ему рот. Но показывать себя в ещё более худшем свете совершенно не хотелось, и я продолжала сидеть, опустив голову и густо краснея. Я была уверена, что соседи сейчас сочтут меня сумасшедшей и на

этом наше общение закончится.

Но всё вышло с точностью до наоборот. Денис, пропустив мимо ушей язвительный тон Олега, серьёзно посмотрел на меня и неожиданно предложил помощь.

— Свет, знаешь, мы с нашим графиком могли бы снимать жильё где угодно. Но осесть решили именно в этом городе. Спросишь почему?

— Потому что у Дениса здесь свой эзотерический клуб, — таинственным шёпотом подхватила Вера.

— О-о-о, и вы туда же, — фыркнул Олег, пренебрежительно махнув рукой.

Он отошёл от нас на несколько шагов и закурил, всем своим видом показывая, что дальнейший разговор его не интересует.

— Да, я состою в нём уже второй год, — невозмутимо продолжил Денис. — И делаю большие успехи. Я нашел их — или, вернее, они меня — когда уволился с работы и оказался на самом дне. Я был в глубочайшей депрессии, потерял ориентиры и не понимал своего предназначения.

— Да, это было тяжёлое время для нас, — тихо подтвердила жена.

— Но потом в моей жизни появился Соломонов Дмитрий Алексеевич. Он помог мне не только вернуть почву под ногами, но и пробудиться духовно. Я тебе сейчас напишу адрес. Как будет время — обязательно сходи. Поверь, ты не пожалеешь.

Я не успела ничего ответить, как из ямы появилась маленькая рыженькая мордочка. Все замерли, боясь напугать малыша. Мы подождали, пока он подойдёт к миске и начнёт есть. Через пару мгновений Денис решил действовать: осторожно подошёл сзади и поймал нашего спасёныша. Ребята решили забрать котёнка к себе.

— Думаю, дома ему будет лучше, — проговорил сосед.

— Ребят, вы же не против, что мы его возьмём? Мы давно о котёнке думали, — спросила Вера.

Конечно же, мы были согласны. У нас в отношениях не то, что о домашних животных речь не шла, но и о совместных планах тоже. На этих мыслях мой живот предательски заурчал.

«Сожрать. Разорвать», — снова прозвучало в голове.

Придя домой, я сразу же накинулась на холодильник. Опустошив его почти полностью, я сделала себе пять некажистых бутербродов. Но голод всё не проходил, а моё раздражение на Олега только увеличивалось. Доедая последний бутерброд, я заглянула к нему в комнату.

Олег сидел на диване, уткнувшись в телефон. На его лице всё ещё блуждала та самая расслабленная от вина улыбка, которая так взбесила меня на улице. Заметив моё присутствие, он даже не поднял глаз, продолжая что-то смотреть.

— Тебе весело? — тихо спросила я, останавливаясь в дверях.

Олег лениво перевёл на меня взгляд.

— Ты о чём?

— О том, что ты устроил перед соседями. Зачем ты вывалил им всё это? Сделал из меня какую-то городскую сумасшедшую, посмешище Тебе доставляет удовольствие унижать меня перед незнакомыми людьми?

Улыбка мгновенно исчезла с его лица, сменившись привычным, тягостным раздражением. Он заблокировал телефон и отбросил его на диван.

— Боже, Света, началось. Я просто пошутил, разрядил обстановку. Ты сидела там как сыч, слова из себя выжать не могла. Ребята нормальные, посмеялись и забыли. Чего ты вечно всё раздуваешь? У тебя из всего трагедия.

— Пошутил? — мой голос предательски сорвался на крик, в груди снова остро закололо. — Ты выставил мою боль на посмешище! Я доверилась тебе, рассказала то, что меня пугает до смерти, а ты развлёк этим соседей под винишко?

— А что мне делать, Света? — Олег резко встал, сделав шаг в мою сторону. — Я устал! Устал от твоих вечных кошмаров, от твоих кислых мин, от того, что вся наша жизнь теперь крутится вокруг твоей бессонницы. Я пытаюсь жить нормально, а ты тянешь меня в какое-то унылое болото. Извини, конечно, но ты реально ведёшь себя странно в последнее время. Бегаешь по гадалкам, ловишь галлюцинации в электричке. Думаешь, мне легко на всё это смотреть?

Слова Олега ударили под дых. Воздуха резко перестало хватать, а обида, горячая и удушливая, затопила горло. Мне

так хотелось, чтобы он просто подошёл, раскаялся, успокоил этот шторм внутри меня. Хотелось тепла, понимания, защиты. Но вместо этого он возводил, между нами, глухую стену.

И в этот момент внутри меня, где-то глубоко в желудке, снова заворочался тот самый яростный, первобытный голод. В ушах зазвенело. Мне хотелось броситься на него, заткнуть этот эгоистичный рот, сокрушить его уверенность в собственной правоте.

«Сожрать. Разорвать», — настойчиво пульсировало на подкорке.

Я сильнее вцепилась руками в дверной косяк, чувствуя, как костяшки пальцев немеют от напряжения. Реальность вокруг снова поплыла: стены комнаты начали медленно отдаляться, а фигура Олега стала казаться резким, уродливым наброском. Чернильная, липкая темнота Бездны ласково коснулась моих щиколоток, утягивая вниз. Чем сильнее я злилась, тем стремительнее таяли мои силы, уступая место этой голодной пустоте. Я сама открывала ей дверь, потакая своей ярости.

— Если я обуза, зачем ты вообще со мной поехал? — прошептала я, чувствуя, как туман заволакивает разум.

— Да потому что жалость дурацкая! — рявкнул Олег, теряя остатки терпения. — Посмотрел на тебя утром — ходячий труп, смотреть тошно. Подумал, ладно, съезжу, может, успокоишься наконец. А ты опять ищешь виноватых!

Жалость. Это слово окончательно оборвало спасительную

нить. Я зажмурилась, добровольно позволяя Бездне поглотить себя, лишь бы больше не слышать его голоса.

Я открыла глаза. Бездна не забрала меня полностью — она лишь качнулась на периферии сознания, отступая перед новой, ещё более острой вспышкой боли. Слова Олега про жалость сорвали последний замок. Терять было больше нечего, и из самых тёмных глубин памяти вдруг выплыли слова Жанны в кафе: «Он переписывается с разными девчонками... Жанна своими глазами видела Олега с какой-то девушкой».

Тогда я отмахнулась от этого, посчитала глупой сплетней. Но сейчас, глядя на его раздражённое лицо, я почувствовала, как внутри зарождается липкое, удушливое сомнение. А вдруг они не врал? Вдруг подсознание в кошмарах действительно кричало мне именно об этом?

— Ты был в кафе на этой неделе? — тихо спросила я, и мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Олег нахмурился, не понимая, куда клонится этот разговор.

— В каком ещё кафе? Света, ты о чём вообще?

— Жанна видела тебя. С девушкой. И Маша говорит, что ты пишешь кому-то, зовёшь гулять. Это правда?

Я смотрела прямо в его тёмные глаза, отчаянно надеясь увидеть в них искреннее возмущение. Мне так хотелось, чтобы он рассмеялся, назвал это очередным бредом моих по-

друг, обнял меня и развеял этот кошмар. В глубине души я всё ещё сомневалась. Я молила бога, чтобы это оказалось ошибкой.

Олег замер. На его лице отразилась целая гамма эмоций: от удивления до резкого, колючего недовольства. Он тяжело выдохнул, запустив руку в волосы, и отвернулся.

— Твои подруги, как обычно, суют нос не в своё дело, — глухо проговорил он. — Но если тебе так важно... Да, я переписывался.

В груди словно оборвался тяжёлый канат. Земля ушла из-под ног, и Бездна снова радостно оскалилась где-то внизу.

— Но не так, как тебе твои подружки расписали! — резко перебил он мои мысли. — Мне нужен был дизайнер для одного проекта по работе. Знакомый дал контакты. Вот я и написал ей, мы обсуждали ТЗ. До встречи дело даже не дошло. Она в переписке стала вести себя как-то странно, неадекватные вопросы задавать. Я понял, что с ней каши не сварить, и просто прекратил общение. Всё. А в кафе Жанна твоя могла видеть меня с кем угодно, мы с парнями из отдела часто в обед туда заходим. Ей лечиться надо, если ей везде измены мерещатся.

Он залез в карман, достал телефон и бесцеремонно протянул его мне экраном вперёд.

— На, держи. Смотри, если не веришь. Мне скрывать нечего. Ищи эту переписку, читай. Давай, бери!

Я посмотрела на светящийся дисплей в его руке. Со-

мнения никуда не исчезли, они просто трансформировались, превращаясь во вязкое чувство вины. Он протягивал мне свой телефон так уверенно, что глупо было продолжать гнуть свою линию. Но почему тогда внутри всё ещё была эта звенящая пустота?

Я так и не прикоснулась к телефону. Просто оттолкнула его руку, и этот жест поставил точку в остатках нашего доверия.

— Мне не нужна твоя переписка, Олег, — тихо произнесла я, чувствуя, как внутри всё покрывается коркой льда. — Дело ведь давно не в дизайнере. Дело в том, что ты предал меня. Там, на улице, перед чужими людьми... Ты просто взял и растоптал всё, что я чувствую. Мне страшно, мне плохо, а ты развлекаешь соседей рассказами о моей болезни. От тебя нет ни капли поддержки. Одно сплошное предательство и обесценивание.

Взгляд Олега вспыхнул яростью. Он с силой швырнул телефон на диван.

— Предательство?! Да ты в своём уме, Света? Я таскаюсь с тобой по твоим сумасшедшим делам, трачу выходные на развалины, терплю твои вечные истерики! Мне дышать в этой квартире нечем, понимаешь? Мне нужно хоть немного пространства! Свободы! А ты постоянно что-то требуешь. То тебе ночник не такой, то я пошутил не так, то уделил мало внимания. Ты вечно, абсолютно вечно всем недовольна! Из тебя как будто жизнь выжали, и теперь ты пытаешься высо-

сать её из меня!

Я? Высасываю из него жизнь? А может, это он её из меня? Я нервно усмехнулась, Олег недоверчиво посмотрел на меня. Что ж, если он так считает, пусть будет так. Я ему покажу, как по-настоящему выкачивают энергию.

Мою злость было не унять, и я только крепче сжала кулаки, сделав шаг вперёд и не сводя с Олега глаз. В комнате вдруг резко похолодело, и всё моё тело пробило ощутимым ознобом. Возможно, это было из-за злости, но я видела, как Олега тоже начинает слегка трясти. А температура вокруг тем временем продолжала стремительно падать.

Подходя всё ближе, я не отрывала взгляда от парня. Вдруг я ощутила странный, сильный жар на самых кончиках пальцев, будто маленькое, невидимое пламя нежно ласкало кожу. И чем ближе я подходила к Олегу, тем выше поднимался этот лихорадочный жар по моим рукам. Мне хотелось не просто уколоть его словом поострее — я жаждала растоптать его, выбить любую опору из-под его ног.

- Сейчас, давай! – издался истошный крик откуда-то из тени.

Я отшатнулась. Пытаясь понять, откуда он исходил, я начала растерянно вертеть головой по сторонам, но в комнате мы были только вдвоём. Этот секундный сбой заставил меня потерять зрительный контакт с молодым человеком, и лихорадочный жар на пальцах тут же отступил.

Когда я снова посмотрела на Олега, он жадно глотал воз-

дух. В комнате внезапно стало невыносимо душно, и я поспешила открыть окно. По нашим лицам было понятно, что ни я, ни Олег не понимали, что только что произошло.

Отдышавшись, Олег с осторожностью посмотрел на меня. Плечи его напряглись, а глаза превратились в две маленькие полосочки из-за тяжёлого, давящего прищура. Он сосредоточенно пытался найти хоть какой-то ответ, всматриваясь в моё бледное лицо. Но из-за того, что я сама ничего не понимала, найти этот ответ у него так и не получилось.

Чуть погодя, его тело расслабилось, в его глазах снова появилась та удушающая усталость и он обессилено проговорил:

— Нам нужно пожить отдельно, хотя бы какое-то время. Паузу взять. Я больше не могу, Света. Мне нужно пространство, иначе я здесь просто задохнусь.

Меня снова пробрало жгучей, горькой обидой. Он снова думал только о себе и своём собственном комфорте.

— Да, — тихо ответила я, отворачиваясь к распахнутому окну. — Давай поживём отдельно. Я тоже устала. Устала от того, что вместо поддержки получаю только удары в спину.

Олег не стал спорить. Он молча достал сумку, быстро, с каким-то угрюмым, нервным надрывом покидал туда самые необходимые вещи, одежду и документы. На его лице читалось только одно отчётливое желание — поскорее уйти из этой квартиры.

— Комп позже заберу, — бросил он напоследок.

С этими словами входная дверь закрылась за ним. А я осталась одна в этой пустой квартире. Только мерное тиканье часов эхом раздавалось по комнате, а в голове упрямо маячила одна и та же пугающая мысль: «Что это вообще сейчас было?»»

Глава 3

Я осталась одна в этой тишине. Произошло то, чего я больше всего боялась в последнее время — остаться без поддержки и опоры, оказаться один на один со своими страхами и душевной пустотой. Больше никто не протянет мне руку, не обнимет и не укроет от этого кошмара. Самый близкий человек отвернулся, бросил меня одну разбираться со всеми невзгодами, которые свалились на меня за последнее время.

Как он мог? Он видел, как я страдаю, как жажду его внимания и заботы. И что он сделал? Решил отвернуться в самый уязвимый для меня момент! Впрочем, в последнее время он только и делал, что язвительно шутил про мою боль и попытки решить её. А раньше раньше он всегда приходил ко мне на помощь, внимательно выслушивал и давал советы. В такие моменты он будто бы забирал часть моих страданий и принимал их на себя, он был моим спасителем, героем.

Что же случилось? Неужели у него и правда появилась девушка, и сейчас он поехал к ней? Неужели наш сегодняшний разговор только сильнее подтолкнул его к измене? Нет, я не могу оставить это просто так, мне нужно позвонить Жанне, пусть она проследит за ним, она же живет недалеко от его работы.

Я сунула руку в карман за телефоном, чтобы набрать подруге, но, к моему удивлению, обнаружила в пальцах не мо-

бильник, а клочок бумаги, на котором был написан адрес того самого эзотерического кружка. Денис говорил, что в клубе всегда кто-то да находится, поэтому приходить можно в любой день, желательно до девяти вечера.

Мои мысли тут же перескочили с измены Олега на нашу сегодняшнюю ссору. Сегодня во время неё я почувствовала что-то странное и этот голос из темноты — всё это меня жутко напугало. Может, ребята из клуба сталкивались с похожим и помогут мне?

Всё, решено, завтра я иду туда, больше нет времени оттягивать. Как раз выходной, могу просидеть там с утра до вечера, пока моя проблема не решится или хотя бы пока не появится реальный план действий.

Остаток ночи прошёл как в тяжелом, вязком тумане. Я не помню, как провалилась в забытие, но пробуждение не принесло никакого облегчения. Утро встретило меня звенящей, оглушающей пустотой. В прихожей не было кроссовок Олега, на кухне не горел свет, и от этого стало физически холодно — будто вместе с ним из квартиры выкачали остатки уюта и безопасности.

Я заставила себя сползти с кровати. Механически, словно робот с садящейся батареей, умылась, стараясь не смотреть в зеркало на своё осунувшееся, бледное лицо с глубокими тенями под глазами. Собственное отражение давно меня пугало. Выпив чашку обжигающего, но совершенно безвкусного кофе, я быстро оделась. В кармане куртки спасительно шур-

шал смятый клочок бумаги с адресом. Сейчас он казался мне единственным маяком в этой беспросветной серости.

Улица встретила меня холодным ветром и равнодушным небом. Я спустилась в метро. Под мерный, гипнотический стук колёс я снова и снова прокручивала в голове вчерашний скандал. Гудящие вагоны казались мне продолжением той самой Бездны, которая только и ждала, когда я окончательно сдамся. Люди вокруг утыкались в телефоны, прятали глаза в воротники пальто, и никому не было дела до того, что мой привычный мир прямо сейчас расходится по швам.

Нужное здание нашлось на удивление быстро. Это оказался ничем не примечательный современный бизнес-центр из стекла и бетона, затерянный среди таких же безликих построек спального района. Я сверила номер дома со своей будмажкой. Никаких вывесок с третьим глазом, ловцов снов в окнах или эзотерических лавок поблизости. Обычный деловой центр.

Сделав глубокий вдох, словно перед прыжком в ледяную воду, я шагнула в крутящиеся двери. Бесшумный лифт быстро поднял меня на нужный этаж.

Я стояла перед безликой стеклянной дверью на третьем этаже самого обычного офисного здания. На матовой табличке значилось лаконичное: «Клуб духовного развития "Вектор"». Моя рука на мгновение замерла в воздухе. Внутри всё ещё ворочались сомнения, но пульсирующая пустота в груди требовала действий. Я с замиранием сердца толкну-

ла дверь.

Вместо ожидаемого полумрака, удушливого запаха дешевых благовоний и мерцания свечей меня буквально ослепило яркое, холодное освещение. Я застыла на пороге, часто моргая и пытаюсь осмыслить увиденное.

Передо мной раскинулось просторное помещение. Абсолютно белые стены, высокий потолок с рядами встроенных светодиодных ламп, серый ковролин на полу — всё это больше напоминало офис успешной IT-компании или современный коворкинг, чем тайное общество магов. В воздухе пахло свежемолотым кофе, озоном от работающих принтеров и новой бумагой.

Вокруг кипела вполне обычная, размеренная жизнь. За длинными белыми столами сидели люди разного возраста, все в опрятной повседневной одежде. Они сосредоточенно смотрели в мониторы ноутбуков, что-то быстро печатали, делали пометки в блокнотах. На магнитной маркерной доске в углу кто-то нарисовал сложную схему, похожую на бизнес-график, только вместо показателей продаж там значились уровни энергетических потоков. Вдоль стен тянулись несколько закрытых кабинетов с опущенными жалюзи. Из них периодически выходили и заходили небольшие группы людей, деловито сжимая в руках увесистые стопки распечаток и толстые общие тетради.

— Света! Какая встреча! — раздался знакомый, искренне радостный голос.

Ко мне навстречу спешил Денис. Вчерашний растрепанный спаситель котенка исчез. Сегодня на нём была выглаженная голубая рубашка и стильные брюки. Он выглядел свежим, энергичным и излучал такую непоколебимую уверенность, что мне на секунду стало завидно. Казалось, он стоял здесь с самого утра и ждал именно меня.

— Привет. Я вот, решила зайти, — неуверенно проговорила я, нервно теребя ремешок сумки и оглядываясь по сторонам. — Если честно, я представляла это место совершенно иначе. Где хрустальные шары? Карты Таро?

Денис добродушно и мягко рассмеялся, ничуть не удивившись моей реакции.

— Понимаю твой шок. Все новички сначала теряются. Но наш клуб — это не кружок по интересам и не театральные посиделки для скучающих домохозяек. Магия — это наука, Света. Инженерия тонких материй. И здесь идет большая, строго структурированная работа над собой и своим внутренним миром. Без мишуры и спецэффектов.

Он по-хозяйски обвел рукой зал.

— Ребята за столами выполняют свою личную «домашнюю работу»: анализируют свои эмоциональные графики за неделю, конспектируют лекции, систематизируют блокировки. А в закрытых кабинетах проходят плановые совещания, где мы разбираем сложные случаи, или групповые медитативные практики. Дисциплина и порядок — вот что дает реальный результат.

Его уверенный, абсолютно спокойный тон подействовал на меня отрезвляюще. Эта рациональность, отсутствие пугающей «шизотерической» театральности неожиданно вселили в меня огромную, теплую надежду. Здесь не было сумасшедших фанатиков — здесь были адекватные, современные люди, которые методично, как системную ошибку в коде, решали свои ментальные проблемы.

— Знаешь, а ведь твой приход сегодня невероятно кстати, — Денис немного понизил голос, подался вперед и заговорщицки улыбнулся. — На утренней планерке я не удержался и рассказал Дмитрию Алексеевичу о тебе. О твоих кошмарах, о том упадке сил, что с тобой происходит.

— Кому? — не сразу поняла я, всё ещё разглядывая девушку за ближайшим столом, которая с серьезным видом чертила в тетради ровные треугольники.

— Соломонову. Нашему наставнику и основателю клуба. И знаешь, что он ответил? Он сказал, что с радостью поможет тебе. Более того, он готов взять тебя под личное руководство. Это огромная редкость, Света. Обычно он работает только с продвинутыми резидентами. Но он сказал, что почувствовал в твоей истории мощный импульс. Увидел в тебе огромный потенциал. Он даже сам просил у меня твой номер, чтобы пригласить на беседу, но ты опередила события. Сама судьба привела тебя сегодня.

От этих слов у меня перехватило дыхание, а по спине пробежала легкая дрожь. Неужели мои мучения скоро закончат-

ся? Человек, который вытащил Дениса с самого дна депрессии, сам хочет мне помочь! На фоне вчерашнего болезненного скандала и предательства Олега, эта внезапная забота со стороны совершенно постороннего, но авторитетного человека казалась настоящим чудом.

— Я сейчас же пойду к нему в кабинет и сообщу, что ты пришла, — Денис ободряюще, почти по-родственному коснулся моего плеча. — Возможно, у него сейчас есть окно в расписании, и он примет тебя прямо сегодня. Присядь пока на диван, выдохни. Подожди немного.

Он развернулся и уверенным шагом направился к дальней белой двери с неприметной табличкой.

Оставшись одна, я послушно опустилась на мягкий кожаный диванчик в зоне ожидания и стала наблюдать за кипящей вокруг жизнью. Я прислушивалась к обрывкам фраз, пролетающим мимо меня, и чувствовала себя так, словно попала в параллельную реальность.

У кулера с водой двое парней в деловых костюмах на полном серьёзе обсуждали, как лучше интегрировать утреннюю практику заземления в плотный рабочий график, чтобы не терять фокус на важных сделках. Девушка за соседним столом поправляла очки и вполголоса просила у коллеги совета по технике глубокого дыхания, попутно сводя какие-то данные в пестрой таблице Excel. А мимо меня быстрым шагом пронеслась женщина с кипой бумаг, на ходу бросив кому-то: «Отчет по ментальным чисткам за прошлый месяц я поло-

жила на стол, обязательно проверь!»

Всё это выглядело до нелепого, до абсурда нормальным. И именно эта деловая, стерильная нормальность впервые за долгие месяцы заставила меня расслабить сжатые плечи и глубоко вздохнуть. Кажется, я наконец-то оказалась в правильном месте.

Дверь кабинета бесшумно приоткрылась, и в коридор выглянул Денис. Он ободряюще кивнул мне, едва заметно улыбнувшись одними уголками губ, и жестом пригласил войти. Я медленно поднялась с дивана, чувствуя, как от волнения слегка вспотели ладони. Сердце предательски стучало где-то в горле. Сделав глубокий вдох, чтобы хоть немного унять дрожь, я переступила порог.

Кабинет Дмитрия Алексеевича Соломонова оказался под стать всему клубу — безупречным воплощением строгого минимализма и абсолютного порядка. Здесь не было ничего, что выдавало бы типичного «мага» или экстрасенса: никаких статуэток индийских божеств, амулетов, пыльных гобеленов или нагнетающего мистику полумрака. Просторная комната была залита ровным дневным светом из огромного панорамного окна, за которым открывался вид на серые, равнодушные высотки города. У левой стены стоял массивный стеллаж, плотно уставленный книгами по психологии, квантовой физике, нейробиологии и анатомии.

Посередине комнаты располагался широкий стол из тяжелого светлого дерева. За ним, в большом, дорогом кожа-

ном кресле, откинувшись на спинку, сидел хозяин кабинета. Прямо за его спиной во всю ширину стены висела белая маркерная доска. Она была густо исписана различными даосскими истинами, сложными схемами и какими-то эзотерическими правилами, которые на первый взгляд выглядели как сухие формулы из высшей математики или графики падения акций.

Я ожидала увидеть убеленного сединами старца с пронзительным взглядом исподлобья или, на худой конец, неформала в широких льняных одеждах. Но передо мной сидел мужчина лет пятидесяти, одетый в безупречно сидящий темно-синий пиджак и простую, но явно дорогую белую водолазку. У него были аккуратно подстриженные волосы с благородной серебристой проседью на висках и очень спокойное, располагающее лицо человека, который давно понял об этой жизни всё.

Но больше всего поражали его глаза — светлые, почти прозрачные, льдисто-серые. Они смотрели на меня без осуждения, без насмешки, но с такой глубокой, всепоглощающей внимательностью, что мне на секунду стало не по себе. Казалось, он видит меня насквозь.

— Светлана, проходите, присаживайтесь, — его голос прозвучал мягко, но в нём с первых же нот безошибочно угадывалась непоколебимая уверенность и внутренняя сила. Он плавным жестом указал на удобное кресло для посетителей напротив себя. — Денис много рассказывал о вас.

Я робко опустила в кресло, намертво сцепив похолодевшие пальцы на коленях. Кожаное сиденье тихо скрипнуло в повисшей тишине.

— Здравствуйте. Я честно говоря, не совсем понимаю, как это всё работает и зачем я здесь, — сбивчиво начала я, стараясь не отводить взгляд. — Но Денис сказал, что вы можете помочь. А мне больше не к кому идти.

Соломонов чуть заметно улыбнулся, неспешно закрыл колпачок лежащей на столе ручки и отложил её в сторону. Этот простой жест показался мне сигналом того, что теперь всё его внимание безраздельно принадлежит только мне.

— Я прекрасно понимаю ваши сомнения, Светлана. Вы, как и большинство современных людей, привыкли, что мир жестко делится на две категории: на то, что можно потрогать руками, и на глупые выдумки. Но то, что происходит с вами по ночам, те состояния, которые вас пугают, — это не выдумки воспаленного мозга и не просто последствия стресса. Это вполне реальный, почти осязаемый физический процесс масштабной потери энергии.

От этих слов у меня по спине пробежал неприятный, колючий холодок. Он говорил об этом так обыденно и уверенно, словно зачитывал мне результаты медицинских анализов, в которых всё было кристально ясно.

— Вы имеете в виду существо? Ту темноту, которая меня душит и не дает пошевелиться? — мой голос дрогнул, выдав с головой весь тот ужас, который я переживала каждую ночь.

— Вы называете это существом или монстром. Классические шаманы называли бы это злым, неприкаянным духом. А мы здесь, в «Векторе», видим в этом глубокое, зияющее опустошение, — спокойно и размеренно пояснил Дмитрий Алексеевич. — Ваша психика, Светлана, сейчас критически истощена. Вы находитесь в токсичной среде, которая методично, изо дня в день, вытягивает из вас последние ресурсы. Хроническое непонимание близких, подавленные обиды, которых вы боитесь себе простить, чувство тотального одиночества даже тогда, когда ваш партнер спит рядом на одной кровати — всё это создает огромные бреши в вашем естественном защитном поле.

Я слушала его, затаив дыхание. Он описывал мою жизнь так точно, словно незримо присутствовал в моей квартире последние полгода.

— Через эти бреши ваша жизненная энергия стремительно утекает, — продолжил он. — И на этот «запах» энергетической крови приходит то самое чувство непреодолимого Голода и давящей пустоты. Вы чувствуете Бездну. Но парадокс заключается в том, что это опустошение — не просто мертвый вакуум, которого нужно панически бояться. Это огромная, первобытная сила. Сила, за которую вы, при правильном подходе, можете ухватиться и благодаря которой можете вырасти как личность. Переродиться.

Я нахмурилась, чувствуя, как внутри поднимается волна инстинктивного сопротивления. Эти слова шли вразрез с

тем, во что я заставила себя поверить.

— Но травница женщина в деревне, к которой я ездила недавно, сказала совершенно обратное, — возразила я. — Она предупредила, что эта темнота меня сгубит. Что я должна любой ценой отбросить её, тянуться только к позитивному свету и ни в коем случае не слушать голоса из Бездны, иначе я просто сама себя съем изнутри.

Дмитрий Алексеевич снисходительно, но удивительно мягко улыбнулся. Он плавно, без лишней суеты поднялся со своего дорогого кресла, подошел к маркерной доске на стене и взял черный маркер.

— Шаманки, знахарки и прочие представители так называемой старой школы не до конца понимают истинную природу этой энергии, Светлана. Они привыкли работать исключительно с последствиями, а не с причиной. Они мыслят категориями страха. Они просто до смерти боятся того, чего не могут обуздать, и пугают этим всех остальных. Заражают этой идеей слепого страха других, словно вирусом, заставляя людей прятаться от самих себя.

Он снял колпачок и уверенным, твердым движением нарисовал на белой доске идеально ровный круг. Затем разделил его плавной S-образной линией, заштриховал одну половину черным маркером, а внутри каждой половины поставил точку противоположного цвета. Раздался глухой стук — он постучал маркером по символу Инь и Ян.

— Нельзя делить этот мир исключительно на черное и бе-

лое. Это путь в никуда. Мир — это абсолютная гармония противоположностей. Без тьмы не бывает света, а истинный свет рождается только из самой глубокой тьмы. Это фундаментальное равновесие Вселенной. И чтобы вам стало по-настоящему лучше, чтобы кошмары отступили навсегда, вам нужно перестать прятаться от этой темной энергии по углам, как советовала ваша перепуганная травница. Вам нужно пойти ей навстречу. Совладать с ней. Начать ею управлять.

Он отложил маркер, вернулся за стол и снова посмотрел мне прямо в глаза, ожидая моей реакции.

— Но почему тогда я сама становлюсь такой страшной? — слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать. Пальцы сами собой сжались на коленях, когда я вспомнила вчерашнюю ссору с Олегом. — Почему, когда я злюсь, я готова поглотить чужую энергию? Я чувствовала это. Я чувствовала жар на своих руках, когда хотела раздавить близкого человека. Это ненормально.

Я зажмурилась, боясь, что сейчас он назовет меня сумасшедшей, вызовет санитаров или укажет на дверь. Мне было стыдно за ту первобытную жажду, которую я испытала рядом с Олегом. Но мне жизненно необходимо было это сказать.

Соломонов даже не дрогнул. Он лишь подался вперед, положил локти на стол и сцепил пальцы в замок. В его глазах не было ни капли осуждения — только холодный, исследовательский интерес.

— Потому что вы защищаетесь, Светлана, — произнес он

так, словно констатировал самый очевидный факт на свете. — Ваш внутренний резервуар сейчас абсолютно пуст. И ваш животный инстинкт самосохранения заставляет вас искать энергию извне, забирая её у того, кто рядом. Это не сумасшествие. Это естественная реакция невероятно сильного потенциала, который загнали в угол и морят голодом.

Он выдержал долгую, звенящую паузу, давая мне время осознать каждое его слово.

— Именно поэтому я согласился работать с вами лично, — наконец добавил он. — В вас скрыт колоссальный ресурс. Вы не слабая жертва обстоятельств, как вам пытаются внушить ваш партнер и ваши подруги. Вы просто не умеете управлять своей силой. И именно поэтому, вырываясь из-под контроля, она оборачивается против вас самой в виде ночных кошмаров и неконтролируемых вспышек агрессии днем.

Внутри меня словно рухнула невидимая бетонная стена. Я сидела, вжавшись в кресло, и чувствовала, как к горлу подкатывают слезы — но не от бессилия, а от невероятного, очищающего облегчения. Я — не сломанная. Я — не сумасшедшая. Я просто сильная, но заблудившаяся в темноте. Мне просто нужен правильный вектор.

— Я дам вам рабочие инструменты, чтобы навсегда залатать эти бреши, — голос Дмитрия Алексеевича стал тише, но приобрел стальные нотки. — Мы научимся жестко выстраивать личные границы, безжалостно фильтровать окру-

жение и экологично восполнять вашу энергию. Но для этого от вас потребуется железная дисциплина, абсолютная честность со мной и готовность полностью, до основания пересмотреть свои взгляды на жизнь. Вы готовы к такой работе?

Я смотрела в его льдистые, спокойные глаза и физически ощущала, как та ледяная корка недоверия, одиночества и вины, сковавшая меня в последние месяцы, начинает стремительно таять.

— Да, — твердо ответила я, и мой голос больше не дрожал. — Я готова на всё.

— Пока не нужно геройствовать, Светлана, и требовать от себя слишком многого, — мягко осадил он мой порыв. — Бросаться на амбразуру мы всегда успеем. Сначала вам нужно просто понять себя. Найти истинную причину этого негатива и упадка сил.

Он достал из верхнего ящика стола лаконичный черный блокнот и неспешно пододвинул его ко мне по гладкой столешнице.

— Ваше первое задание будет звучать элементарно, но выполнить его на практике сложнее, чем кажется. Всю следующую неделю вы будете только наблюдать за собой. Ваша задача — отслеживать и записывать в этот блокнот все ваши триггеры. Моменты, когда вам внезапно становится плохо. Фиксируйте, когда вы злитесь, когда расстроены, когда вас накрывает обида или беспричинная, тяжелая усталость. Постарайтесь увидеть настоящую причину этих состояний, тот

самый спусковой крючок.

Я неуверенно коснулась гладкой обложки блокнота, чувствуя холодок под пальцами.

— И что мне делать с этой злостью или пустотой, когда она снова появится? Как её остановить?

— Никак, — твердо и безапелляционно ответил Соломонов. — В этом и кроется главный секрет. Просто дайте тьме происходить. Не осуждайте её. Не бойтесь. И самое главное — не пытайтесь её немедленно исправить, подавить или убежать от неё, как вы делали это раньше. Будьте просто беспристрастным наблюдателем. Исследователем. Позвольте своей внутренней Бездне проявить себя, но не проваливайтесь в нее с головой, а лишь спокойно фиксируйте всё на бумаге.

Он поднялся из своего массивного кресла, давая понять, что наша аудиенция окончена.

— А ровно через неделю мы снова встретимся в этом кабинете, изучим ваши записи и продолжим работу. Договорились?

Я поднялась следом, крепко сжимая в руках черный блокнот. Напряжение, которое душило меня с самого утра, отступило. Впервые за долгое время от меня не требовали быть удобной, сильной или «нормальной». Мне разрешили просто быть.

— Договорились, — тихо, но уже гораздо увереннее ответила я.

Попрощавшись с Денисом, я вышла из прохладного зда-

ния клуба на залитую светом улицу. Настроение было на удивление прекрасным — легким, почти невесомым. Купив в небольшой кофейне на первом этаже свой любимый капучино, я не стала спускаться в душную подземку, а решила немного прогуляться в сквере неподалеку.

Я нашла свободную скамейку под раскидистым деревом. Вокруг кипела привычная городская жизнь: куда-то спешили люди, гудели машины, но этот шум больше не давил на меня. Я сидела, вслушиваясь в беззаботный щебет птиц, пила горячий кофе с густой молочной пенкой и с наслаждением подставляла лицо лучам весеннего солнца. Нежный ветерок ласково играл с выбившимися из пучка прядями волос, щекоча щеки. Давящая тревога, которая последние месяцы сдавливала мне грудь железным обручем, куда-то отступила. Я всецело отдалась этому моменту. Липкий страх исчез, растворился в прозрачном воздухе, словно его никогда и не было.

Я провела кончиками пальцев по матовой черной обложке блокнота, лежащего рядом на деревянных рейках скамейки. И что же мне сейчас сюда записывать? После встречи с Соломоновым я чувствовала лишь медленно разливающуюся внутри мягкую теплоту и абсолютное, нерушимое спокойствие.

Я решила пройтись до дома пешком, чтобы не расплескать это хрупкое состояние равновесия в грохочущем вагоне метро и не перебить его случайным раздражением от толпы.

Дорога была неблизкой, но меня это совершенно не беспокоило. Каждый шаг казался осмысленным, возвращающим мне забытый контроль над собственным телом.

Я добралась до квартиры уже к вечеру, когда солнце начало клониться к горизонту. Повернув ключ в замке, я шагнула в прихожую. Пустота комнат больше не казалась мне холодной, враждебной или пугающе мрачной. Наоборот, в ней появилось пространство для меня самой. Теплый золотистый закатный свет проникал сквозь окна, ложился на пол мягкими квадратами, высвечивая медленно танцующие в воздухе пылинки.

Я твердо решила не брать сегодня в руки телефон, не сбегать от реальности в социальные сети и не проверять, не написал ли мне Олег. Я хотела полностью сфокусироваться на своих ощущениях, как и велел Дмитрий Алексеевич. Поставив чайник, я заварила горячий чай. Я не стала включать верхний свет, а просто села с кружкой у окна, наблюдая за красивым закатом. Обычно в это время мы с Олегом уже плотно задергивали тяжелые шторы, чтобы свет не бликовал на его мониторе во время игр, но теперь я жила одна и могла этого не делать. Я могла смотреть на небо столько, сколько захочу.

Я сделала небольшой глоток, старательно и мысленно проговаривая свои физические ощущения, словно комментируя их со стороны: «Керамическая кружка приятно и мягко греет озябшие пальцы. Горячий чай легонько обжигает горло,

оставляя на языке терпкое послевкусие. Воздух из открытого окна пахнет вечерней прохладой. Это приятно. Я чувствую...»

Я замерла, опустив кружку на колени, и прислушалась к тому, что происходит глубоко внутри.

Я чувствую пустоту.

Я уставилась на огромный оранжевый диск солнца, медленно сползающий за телевизионные антенны и крыши соседних многоэтажек. У меня не было абсолютно никаких эмоций по отношению к этому моменту. Мой разум четко понимал: сейчас мне должно быть хорошо. Я должна испытывать умиротворение от этого красивого пейзажа, от вкусного чая, от долгожданной тишины в квартире, где никто не кричит в гарнитуру. Но внутри ничего не откликалось.

Там не было ни радости, ни светлой грусти, ни облегчения. Эмоции словно выключили рубильником. Осталась только ровная, глухая, оглушающая пустота — бездонный колодец, в котором не за что было зацепиться и откуда не доносилось ни звука. Отсутствие боли оказалось вовсе не счастьем. Оно оказалось просто ничем.

Я открыла черный блокнот и коротко написала: «Я ничего не чувствую».

«Да, наверное, так и должно быть», — ничуть не испугавшись, подумала я. Просто наблюдаю, больше от меня ничего не требуется.

Осознание собственной пустоты не вызвало во мне ни

капли тревоги. Я старалась просто оставаться беспристрастным наблюдателем и покорно принимать всё, что транслирует мне моё тело.

Утром этот новый, отстраненный подход дал неожиданные плоды. На работу я пришла в непривычно хорошем, почти идеальном состоянии. Вместо наспех собранного пучка — аккуратно уложенные волосы. Вместо безликого растянутого свитера — идеально выглаженная блузка. Заходя в опен-спейс, я впервые за долгие месяцы не стала проскальзывать к своему рабочему месту серой, незаметной тенью. Я шла уверенно, шагала твердо и первой здоровалась с коллегами, прямо глядя им в глаза. Некоторые из них даже удивленно заморгали, отвечая мне неуверенными улыбками.

А всё потому, что я начала отчаянно, почти маниакально следить за своим состоянием. Я больше не пряталась от людей, как от источника опасности. Наоборот, я намеренно шла им навстречу, провоцировала контакт — всё ради того, чтобы отловить в себе хотя бы микроскопическую мысль, укол раздражения или мимолетную вспышку эмоции. Но кроме сильной, жгучей мотивации выполнить задание Соломонова, я по-прежнему не чувствовала ничего.

«Может, мне стоит немного успокоиться? Иначе эта одержимость заслоняет вообще всё», — пронеслось в голове.

Мои размышления прервал подошедший начальник.

— Света, отлично выглядишь, — произнес Игорь. Он остановился у моего стола, с легкой, почти одобрительной

улыбкой окинув меня взглядом. — Как дела? Смотрю, всё наладилось?

— Ага, с парнем рассталась, и всё сразу в гору пошло! — неожиданно звонко и весело выпалила я.

Слова сорвались с губ раньше, чем я успела их обдумать. Я даже не осознала эту мысль — она вылетела совершенно бесконтрольно, быстрее, чем сработал внутренний фильтр. Улыбка всё ещё держалась на моем лице, но внутри вдруг всё похолодело от страха. Я соврала? Мы ведь вчера договорились только «взять паузу». Но почему тогда мой язык так легко и безжалостно вычеркнул Олега из моей жизни? Или эта пресловутая «пауза» изначально была лишь трусливым синонимом слова «разрыв», и моё подсознание сейчас просто озвучило правду, которую я боялась признать?

— Оу... Ну, видимо, и правда на пользу, — чуть сконфуженно проговорил Игорь, переминаясь с ноги на ногу.

Он явно не ожидал от меня такой резкой откровенности. В воздухе повисла секундная неловкость. Начальник, слегка прочистив горло, отвел взгляд и поспешил перевести тему в безопасное рабочее русло.

— Я, собственно, вот что хотел сказать... точнее, предложить. У нас скоро запускается еще один крупный проект. Но прежде чем подписывать бумаги, нужно присмотреться к заказчикам и оценить, будем ли мы вообще брать их в работу. Я хотел бы сделать тебя ведущим менеджером этого проекта. Доросла уже всё-таки. Согласна взять на себя эту ответ-

ственность?

Это было неожиданно. Профессиональная гордость на секунду вытеснила мысли об Олеге.

— Да, конечно, — уверенно кивнула я, расправляя плечи.
— А что за партнеры?

— Ресторан «Палуба», знаешь такой?

Внутри что-то едва заметно дернулось. «Палуба». Тот самый ресторан, где совсем недавно Жанна рассказывала мне про измены Олега под аккомпанемент джаз-бэнда. Укол неприятных воспоминаний. Триггер? Я мысленно поставила галочку, чтобы вечером обязательно сделать запись в черном блокноте.

— Да, мы с подругами иногда там бываем, — ровным голосом ответила я, подавив эмоцию. — Хорошее место.

— А я вот ни разу не был, — Игорь оперся рукой о край моего стола и внимательно посмотрел мне в глаза. Его тон стал чуть более мягким, потеряв официальную директорскую сухость. — Тогда в среду, после работы... сможешь мне познакомиться с этим заведением?

Я на мгновение замаялась, изучая его лицо. Формально это звучало как рабочая встреча, но в то же время в его взгляде скользило что-то еще, выходящее за рамки субординации. Впрочем, отказываться причин у меня не было.

— Да, хорошо.

— Вот и отлично, — улыбнулся Игорь, выпрямляясь. — Тогда до среды.

Вернувшись домой, я сразу же открыла шкаф и принялась перебирать наряды, выбирая, что надеть на деловой ужин в среду. Я была настолько увлечена этим занятием, что даже не услышала, как щелкнул замок входной двери, и не заметила, как Олег появился в дверном проеме.

— Кхм, — неловко откашлялся он, чтобы не напугать меня.

Я вздрогнула и удивленно подняла на него глаза.

— Куда-то собираешься? — хмуро спросил Олег.

— Да, в среду будет деловой ужин, — как можно более беззаботно ответила я, возвращаясь к выбору между блузкой и платьем.

— А я тут за компьютером заехал, — сконфуженно про-
бормотал он.

Я ничего не ответила, лишь кивнула. Не получив от меня никакой реакции, Олег не ушел в зал, а так и остался стоять на прежнем месте. Видимо, он совершенно не ожидал от меня такого равнодушия. Наверняка думал, что я буду убиваться по нему и умолять вернуться. А меня вот в ресторан позвали.

От этих мыслей на секунду поднялось настроение, но тут же в груди возникло острое, щемящее чувство. Боль пронзила тело, будто меня ударило током. Мое тело физически заныло, требуя тех сладких объятий, и из-за того, что я не давала ему их и сама не спешила на сближение, я получила эту резкую порцию боли.

«Это стоит записать», — мелькнуло в голове. Я быстро схватила свой черный блокнот и записала: «Нужда в тепле и любви».

— Тебе вообще всё равно? — с ноткой раздражения проговорил Олег, наблюдая за моими действиями.

— А? — рассеянно переспросила я, поднимая взгляд от блокнота.

— Я говорю, тебе всё равно, что мы разъехались? Я вот все эти дни не мог прийти в себя, приехал поскорее, чтобы увидеть тебя под предлогом этого дурацкого компа! А ты ведешь себя так, будто вообще ничего не случилось.

— Это же твое решение было, Олег, — спокойно напомнила я ему, хотя в душе всё скрутило от боли.

— Да потому что здесь просто было невозможно находиться! Вся эта атмосфера давила и на меня, — вспыхнул он. — Я хоть как-то пытался тебе помочь, а ты все мои идеи отвергала. Свет, я тоже не железный!

— Ах, поэтому решил убежать к своей подружке? — язвительно бросила я.

Не знаю, почему я вообще решила это сказать. Ведь я не была уверена в его измене, слова вырвались сами собой.

Олег побледнел.

— Как?.. Ты что, следила за мной? — вдруг ошарашенно проговорил он.

— Что? — теперь пришла моя очередь удивляться.

— Слушай, это коллега Катя, ты ее знаешь. Она мне про-

сто квартиру сдала, — начал лихорадочно оправдываться Олег. — Я слышал, что она ищет арендаторов, вот и заселился. А вот то, что ты следишь за мной, это вообще нездорово.

— Да нет у меня времени следить за тобой! — горько усмехнулась я. — Просто сказала первое, что пришло в голову... и попала.

— Вот как... — осекся он.

— Да. А теперь забирай свой комп и убирайся, — сквозь зубы и слезы процедила я. — Видеть тебя после этого даже не хочу.

— Свет, я же тебе уже всё объяснил. Хочешь с Катей увидеться, ты успокоишься?

— Вот не надо меня только успокаивать, ладно?! — сорвавшись на крик, отрезала я.

— Так, ладно. Видимо, тебе нужно самой успокоиться, еще раз обдумать мои слова и понять, что я ничего не сделал. Напишу позже, хорошо?

— Проваливай! — прокричала я, закрыв руками лицо.

— Понял. Но ты подумай, ладно? — бросил он напоследок.

Хлопнула входная дверь.

— Просто... уходи, — уже более спокойно проговорила я в пустоту.

От слез сил кричать почти не осталось. Я рухнула на кровать и с головой зарылась в плед. От приятного вечера не осталось и следа. Измотанная, я медленно провалилась в

сон.

Среда наступила быстрее, чем я ожидала. Весь день в офисе я ловила себя на мысли, что жду этого вечера с необъяснимым, почти подростковым трепетом. Я тщательно поправила макияж в туалете перед выходом, одернула идеально выглаженную блузку и мысленно настроилась на приятный вечер.

Но как только мы сели за столик у панорамного окна в «Палубе», всё пошло не по моему сценарию.

Приглушенный свет, тихий джаз на фоне — атмосфера буквально кричала о романтике. Я чуть подалась вперед, ожидая, что Игорь, как мужчина, возьмет инициативу в свои руки: спросит о моем настроении, сделает комплимент или хотя бы закажет вино. Но вместо этого он деловито оглядел зал, достал из внутреннего кармана пиджака телефон и открыл заметки.

— Значит, смотри, — деловым тоном начал он, даже не заглянув в меню. — Место неплохое, трафик в среду вечером приличный. Ты ведь часто здесь бываешь? Как оцениваешь их целевую аудиторию? Студенты, клерки, парочки?

Я растерянно моргнула.

— Ну... парочки, в основном, — я попыталась улыбнуться, заглядывая ему в глаза, пытаюсь найти там хоть намек на симпатию. — И девушки, которые ищут с кем познакомиться. Знаешь, атмосфера располагает.

Игорь задумчиво кивнул, не поднимая на меня глаз, и что-

то быстро набрал в телефоне.

— Понятно. Средний ценовой сегмент. А как у них со скоростью обслуживания при полной посадке? Бывают задержки?

— Я... я как-то не обращала внимания, — я почувствовала себя глупо, но решила перевести всё в шутку. Игриво накрутив локон на палец, я добавила: — Обычно счет оплачивают мужчины, так что я за временем и чеками не слежу. Девушкам не положено о таком думать, правда?

Я ожидала легкого смешка, ответной шутки. Но повисла вязкая, оглушительно неловкая пауза. Игорь наконец оторвался от экрана и посмотрел на меня абсолютно прямым, ничего не выражающим взглядом.

— Света, мы здесь работу работаем, а не гендерные стереотипы обсуждаем, — сухо и как-то разочарованно произнес он. — Мне нужно понимать, стоит ли нашему агентству вписываться в их продвижение. Давай ближе к делу.

Краска мгновенно залила мои щеки. Мне захотелось провалиться сквозь землю. Весь оставшийся час я сидела как на иголках, односложно отвечая на его сухие, бесконечные вопросы про средний чек, качество еды и работу официантов. Я совершенно не понимала его намерений. Зачем приглашать девушку в ресторан вдвоем, если можно было просто поручить мне написать аналитическую справку в офисе? Мой «внутренний наблюдатель», о котором говорил Соломонов, сжался в комок от стыда и обиды.

Не выдержав напряжения, я извинилась и поспешила в уборную, чтобы хоть немного выдохнуть и остудить горящее лицо.

«Запиши это. Запиши в блокнот: унижение, стыд, неоправданные ожидания», — мысленно приказала я себе, опираясь руками о холодную раковину.

Умывшись ледяной водой, я поправила волосы и направилась обратно в зал, мечтая только о том, чтобы этот вечер поскорее закончился. Но не успела я сделать и пары шагов по коридору, как чья-то рука резко вцепилась мне в локоть.

— Светусик! Глазам не верю!

Я обернулась. Передо мной стояли Маша и Жанна. Обе с бокалами шампанского в руках, с идеальными укладками и глазами, горящими от нездорового любопытства.

— Привет... — растерянно пробормотала я.

— А мы сидим, смотрим — ты, не ты! — защебетала Маша, понизив голос до театрального шепота. — Света, кто этот красавчик за твоим столиком? Колись! А как же Олег?

Внутри меня что-то неприятно кольнуло.

— Это Игорь. Мой начальник. Мы здесь чисто по работе, обсуждаем новый проект, — сухо отчеканила я. — А с Олегом мы... мы просто взяли паузу. Решили пожить отдельно.

Подруги переглянулись. В их зеленых глазах мелькнуло что-то хищное, жадное до чужой драмы. Жанна сочувственно цокнула языком и положила руку мне на плечо.

— Светочка, какую паузу? Наивная ты моя... Он не паузу

взял. Он уже внаглую живет в квартире у другой женщины! Мой знакомый видел, как он вещи туда перевозил.

Слова ударили под дых, хотя я уже знала правду.

— У Кати? — глухо переспросила я.

Лица подруг мгновенно вытянулись. Маша едва не поперхнулась шампанским.

— Подожди... ты знаешь? Откуда?!

И тут до меня дошло. Я медленно перевела взгляд с Маши на Жанну, затем посмотрела в сторону зала, где за их столиком стояла недопитая бутылка алкоголя.

Они пришли сюда вдвоем. В наше любимое место. Они даже не подумали позвать меня. Они собрались здесь специально, чтобы перемыть мне кости, обсудить разрушенную жизнь своей «бедной» подруги Светочки и насладиться тем, что у них всё хорошо на фоне моей катастрофы.

«Отличный сливной бачок», — всплыли в голове недавние слова Олега. Как же он был прав.

— Я всё знаю, — мой голос задрожал от подступающей ярости, но я не стала его сдерживать. — И я знаю, зачем вы здесь. Вам плевать на меня. Вам просто нравится, когда мне плохо. Вам нужна драма, чтобы на моем фоне казаться себе успешными! Знаете что? Идите к черту обе. Со своими сплетнями и своим шампанским.

— Света, ты с ума сошла?! Мы же помочь хотим! — возмущенно пискнула Жанна, но я уже не слушала.

Развернувшись на каблуках, я быстрым шагом направи-

лась к выходу, даже не взглянув на столик, за которым сидел Игорь. Я выскочила на улицу, жадно глотая холодный ночной воздух. Меня трясло. Темнота внутри, та самая Бездна, которую я пыталась просто «наблюдать», теперь радостно скалилась, питаясь моей злостью и унижением.

Дверь ресторана открылась, и на улицу неспешно вышел Игорь. Я замерла, ожидая, что сейчас он спросит, что случилось, почему я убежала, может быть, даже попытается успокоить.

Но Игорь остановился на крыльце, поправил воротник пиджака и абсолютно сухим, ровным голосом произнес:

— Ты как-то резко исчезла. Но, впрочем, неважно. Я увидел всё, что мне было нужно. Заведение мы берем. К пятнице ты должна написать развернутый доклад по их позиционированию и подготовить презентацию проекта для руководства. Команду я подберу хорошую, не переживай.

Он посмотрел на часы.

— Ладно, мне в другую сторону. До завтра в офисе, Светлана.

Он развернулся и пошел вдоль по улице, оставив меня стоять одну на холодном ветру.

Я смотрела ему вслед, и внутри меня всё сжималось от ледяной, обжигающей злости. Меня обманули все. Подруги предали, наслаждаясь моей болью. Игорь отверг меня как женщину, цинично используя как бесплатного экскурсовода и рабочую лошадку. Для него я была просто удобным

винтиком в его карьерном механизме. Никто. Абсолютно никто в этом мире не видел во мне живого человека, нуждающегося в тепле.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Жар, который я почувствовала во время ссоры с Олегом, снова начал покалывать кончики пальцев. Пустота внутри стремительно заполнялась густой, ядовитой ненавистью.

Мне не нужен был блокнот, чтобы понять, какой триггер сработал сегодня. Меня отвергли. Меня предали. И Бездна внутри меня была голодна как никогда.

Внезапно в кармане пальто резко и требовательно завибрировал телефон. Я машинально выхватила его онемевшими пальцами и, даже не взглянув на экран, нажала кнопку ответа.

— Что еще?! — злобно рявкнула я в трубку, ожидая услышать оправдания подруг или новые холодные инструкции от Игоря.

— Свет... всё хорошо? — после короткой паузы отозвался голос. В нем звенела осторожная, неподдельная тревога.

Внутри меня что-то надломилось. Жаркая злость на мгновение отступила, уступив место отчаянной, детской слабости.

— Лёля? Лёля, это ты? — почти шепотом проговорила я, крепче прижимая холодный пластик к уху.

— Да, это я. Ты как? Плохо себя чувствуешь?

— Ужасно, Лёля... Просто ужасно, — я почувствовала,

как горло сдавливает спазм, а на глаза наворачиваются новые, теперь уже горькие слезы. — Все меня предали. Я вообще никому не нужна в этом городе. Мне так плохо... Как же жаль, что тебя нет рядом.

Я почти перешла на всхлипывания, прислонившись спиной к холодной стене здания.

— Ты единственная, кто меня по-настоящему понимает, Лёль. Ты даже сквозь расстояние почувствовала, как я страдаю, и позвонила...

Повисла тяжелая пауза.

— Вообще-то... мне Олег позвонил, — чуть погодя, с какой-то виноватой, но упрямой интонацией отозвалась сестра. — Он за тебя очень сильно переживает, Свет. Сказал, что у вас не получилось нормально поговорить, и попросил меня узнать про твое состояние.

Слезы мгновенно высохли. На их место пришла оглушающая, кристально чистая ярость.

— Нормально не поговорили?! — вспыхнула я, отлепляясь от стены. — Да ты вообще знаешь, из-за чего это всё произошло?! Он мне изменил, Лёля! А сейчас он вообще съехал и живет в ее квартире!

— Свет, ну послушай, это не так. Олег мне всё подробно объяснил. У вас просто произошло огромное недопонимание на фоне стресса, — примирительно прошептала сестра таким тоном, каким обычно успокаивают неразумных детей. — Я уже и Олегу всё рассказала. Объяснила, что в тво-

ем нынешнем состоянии к тебе нужно относиться более бережно, тщательнее подбирать слова. Он всё понял, правда. Честно-честно!

От этих слов у меня перехватило дыхание.

— То есть... — мой голос задрожал от сдерживаемого гнева. — То есть ты, моя родная сестра, вместо того чтобы поверить мне, доверяешь какому-то парню? Да еще и выставлешь меня перед ним поехавшей психичкой? «Бережно относиться», «подбирать слова»... Вы что, решили, что ко мне теперь с палкой подходить надо, а то укушу, как бешеная собака?! Лёля, прежде чем ему доверять, ты бы хоть узнала, какие мерзкие вещи он говорил о тебе!

— Я знаю, — тихо проговорила сестра.

— Знаешь?!

— Да. С этого мы вообще и начали наш разговор. Он думал, что это я тебя накрутила про шаманов и пудрю тебе голову. Но, как оказалось, это тоже недопонимание. Мы всё обсудили и уже всё решили. Вам бы тоже сесть и спокойно поговорить, Свет. Давай вы в выходные встретитесь на нейтральной территории?

В голове зашумело. «Мы всё обсудили. Мы уже всё решили». Мой парень и моя сестра решали мою судьбу у меня за спиной, обсуждая мою нестабильность. Мой последний якорь, мой «солнечный лучик», только что перерезала трос и перешла на сторону врага.

— Ах, вы уже всё решили? — ледяным тоном процедила

я. — Тогда передай своему новому другу Олегу, что я тоже всё решила. И пусть он меня больше не тревожит. Ни через тебя, ни лично. А на выходных у меня уже есть планы.

Я сбросила вызов и выключила телефон.

Боль от этого предательства была настолько невыносимой, настолько физически ощутимой, что Бездна внутри меня радостно взвыла, распахивая свою пасть на максимум. Меня заживо пожирала пустота. Мне жизненно необходимо было лекарство. Я поскорее хотела снова почувствовать то гипнотическое, обезболивающее спокойствие, которое царило в кабинете Дмитрия Алексеевича.

Я не могла и не хотела ждать воскресенья.

Всю оставшуюся неделю я функционировала как бездушная, эффективная машина. Холодная ярость стала моим топливом. К вечеру пятницы я идеально написала требуемый Игорем доклад, сухо сбросила ему на почту готовую презентацию проекта по «Палубе» и, ни с кем не попрощавшись, выбежала из офиса.

Я поспешила в клуб. И когда дверь кабинета распахнулась, Соломонов сидел в своем дорогом кожаном кресле с такой легкой полуулыбкой, будто бы ждал именно меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.